ОТТО ЛЕЙХТЕР

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ УЧЕТ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ»

ОТТО ЛЕЙХТЕР

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ УЧЕТ

В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Ф. КАПЕЛЮША

С ПРЕДИСЛОВИЕМ
С. СТРУМИЛИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ»
МОСКВА 1926

Ленинградский Гублит № 1478. Тираж 6000. Заказ № 1758.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Социализм — это учет». А потому проблема о хозяйственном учете в социалистическом строе полна глубочайшего значения и интереса не только для специалистов учета, бухгалтеров и статистиков, и даже не только для ученых-экономистов, но и для гораздо более широких общественных кругов. Буржуазные ученые, занимавшиеся этой проблемой с целью ниспровержения социализма, как, например, Макс Вебер и Людвиг Мизес, доказывают, что в социалистическом обществе, упраздняющем рынок, цены и деньги, не может быть организован хозяйственный учет, а, стало быть, и сам социализм становится в этих условиях чистейшей утопией. Д-р Отто Лейхтер — в качестве образованного марксиста — без труда обнаруживает несостоятельность этих фетишистических рассуждений. И, действительно, разве рынок, расценивающий товары стихийно путем механизма спроса и предложения, не отражает в своих расценках в конечном счете лишь тех объективных условий общественного воспроизводства ценностей, которые находят вполне рациональное свое отражение в издержках производства и трудовой «себестоимости» каждого продукта. С упразднением рынка отнюдь еще не упраздняются эти трудовые издержки, а, стало быть, и целесообразность оценок. Эти оценки не заключают в себе ничего невозможного, ибо производятся и ныне при всей их сложности в калькуляционных отделах любого крупного предприятия. Дело техники использовать их в гораздо более широком масштабе средних для всей страны трудовых расценок. Но это дело вполне осуществимое. А стало быть, если возможны

расценки без рынка, то возможен и хозяйственный учет при социализме.

Более спорным является вопрос, нужен ли для такого учета денежный эквивалент. О. Лейхтер является убежденным сторонником идеи необходимости рабочих «денег» — правда, в весьма условном смысле этого слова — для социалистического строя. Они будут выражать трудовую стоимость изготовляемых потребительных благ, ими будет производиться выплата зарплаты рабочих и оплата ими предметов потребления в общественных магазинах. Конечно, если бы для реализации хозяйственного учета потребовалось обращение в стране таких денег, мы не затруднились бы использовать их и в социалистическом строе, как несомненно во всяком случае используем до конца денежную систему в переходное к социализму время. Но, на наш взгляд по крайней мере, хозяйственный учет и производства и потребления — и при том ценностный, а не материальный — вполне возможен и без употребления «денег» в качестве неизбежного материального посредника. Для такого учета в развитом коммунистическом хозяйстве нужен лишь определенный измеритель — скажем, трудодень или трудочас — и бухгалтерские книги для записи всех хозяйственных оборотов предприятий и распределительных магазинов. И вовсе нет необходимости в циркуляции бумажных или иных денежных знаков из кармана в карман или из кассы в кассу. Но это уже другой вопрос, для дискуссии по которому у нас впереди еще довольно много времени.

О. Лейхтер с немецкой обстоятельностью привлекает к освещению своей темы всю литературу вопроса. Между прочим он знаком, хотя и довольно поверхностно, и с нашей, российской дискуссией — в «Экономической Жизни» 1920 г. — о проблемах трудового учета (ср. С. Струмилин. «Проблемы экономики труда». М. 1925, стр. 202—223). Впрочем о наших советских порядках и нашей идеологии у О. Лейхтера вообще господствуют по меньшей мере весьма смутные представления. Так, например, по поводу НЭП'а он замечает: «Ввиду неудачи коммунистических методов хозяйства, в Советской России снова вернулись к средствам капиталистической банковой и денежной политики...»

Ему и невдомек, что эта новая якобы «капиталистическая» политика уже ныне содержит в себе гораздо больше элементов планового социалистического начала, чем старая, отравленная всеми язвами мировой войны и интервенции капиталистического окружения.

Несмотря однако на эту специфическую слепоту нашего автора, его книжка, поскольку в ней анализируется один из наиболее для нас интересных вопросов социалистического строительства, прочтется у нас с пользой не только вузовцами, но очень многими хозяйственниками-практиками.

С. Струмилин

Июнь 1925 г.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Ввиду того, что в немецком оригинале имеется много повторений, затрудняющих чтение, что изложение местами очень растянуто, — перевод дается с некоторыми отступлениями от оригинала.

ПРОБЛЕМА УЧЕТА В ХОЗЯЙСТВЕ

Всякое хозяйство исходит из того факта, что люди вынуждены непрерывно удовлетворять свои потребности и при этом хозяйствовать с известным количеством благ, как продуктов производства. Всякое производство благ, служащих для удовлетворения потребностей, а тем самым, следовательно, и всякое удовлетворение потребностей, предполагает известное расходование рабочей силы и вещного производственного материала, который, со своей стороны, опять является продуктом труда. Эти издержки являются общим признаком всех форм хозяйства, от самых примитивных до хозяйства самого высшего, коммунистического типа. Восстановление ежедневно потребляемой в производстве жизненной энергии, возобновление ежедневно расходуемых и потребляемых благ предполагает непрерывные издержки. Задачей хозяйствующего человека является добиваться наилучшего согласования издержек с целями, для которых они производятся, издержек производства с удовлетворением потребностей.

Перед хозяйствующим субъектом стоит и другая задача. Он должен стараться обойтись имеющимся количеством благ, возмещать затрачиваемые блага другими, так как в противном случае хозяйство с течением времени пришло бы в состояние обеднения, дальнейшее производство благ сделалось бы невозможным, а именно если расточаются блага, количество которых не может быть увеличено по желанию. Это постоянное наблюдение за имеющимися запасами и средствами производства особенно необходимо в таком сложном хозяйстве, как современное капиталистическое хозяйство, в котором для производства пред-

мета непосредственного потребления необходимо очень большое количество благ высшего порядка, средств производства. В противном случае хозяйство работает в темную. Поэтому задачей хозяйственного учета является наблюдение за тем, чтобы потребление и износ соответствовали новому производству. Далее, учет должен дать возможность судить о том, стало ли хозяйство за известный хозяйственный период богаче или беднее и было ли произведено достаточное количество благ, не только для удовлетворения имеющихся потребностей, но и для покрытия износа. Учет придает и самый смысл хозяйству, как таковому, так как хозяйство без учета лишь беспорядочные и неосмысленные попытки к удовлетворению элементарных потребностей. Учет является самоосмысливанием хозяйства; он сравнивает с одной стороны расход труда и вещных предпосылок производства, с другой — достигнутые результаты и наблюдает за тем, чтобы не было произведено слишком большой, несоответствующей результату, затраты труда. Таким образом, ведение учета становится необходимым условием рациональности хозяйства. Подобно тому как человеческая мысль, прежде чем воздействовать на происходящее вокруг, должна сначала уяснить себе это последнее, так прежде всего учет, рационализация хозяйства, должны выяснить процессы хозяйства. Обнаруживая при этом ошибки, ненужные износ и затраты, учет дает тем самым возможность оказывать сознательное влияние на весь производственный процесс, становится верховным контролем всей хозяйственной жизни.

Значение хозяйственного учета не одинаково в разные времена и на разных ступенях развития хозяйства. Несомненно, в примитивном, замкнутом домашнем хозяйстве, производящем исключительно для собственных потребностей, роль учета значительно меньше, чем при товарном производстве и разделении труда. Ведение учета в замкнутом домашнем хозяйстве является в высшей степени простым делом, часто даже не заслуживает названия учета: люди просто удовлетворяют свои потребности, потребляют все, что имеется налицо, и, если еще не насытились, приступают к дальнейшей охоте, рыбной ловле и т. д. Напротив, в хозяйстве, основанном на разделении труда, где

каждый производит большое количество однородных благ, с тем, чтобы путем обмена получить нужные ему блага, учет, естественно, гораздо важнее и притом не только по той главной причине, что учет издержек является в таком хозяйстве необходимым основанием для обмена и меновых пропорций между отдельными благами; в столь сложном хозяйственном организме учет должен охватить весьма разнообразные хозяйственные процессы, потому что в производство предмета непосредственного потребления входит целый ряд других продуктов предшествующего труда. Вместе с прогрессом хозяйственной жизни эта сложность все усугубляется. Чем совершеннее становится техника производства, чем более прогрессирует разделение труда и чем более производственный процесс распадается на ряд мелких отдельных фазисов, тем непроницаемее становятся хозяйственные процессы; при определении издержек приходится считаться со все бо́льшим количеством факторов. К этому присоединяется еще то обстоятельство (оно составляет одно из главных затруднения учета в условиях высокоразвитой производственной техники), что много расходов и затрат труда не входят непосредственно в отдельный готовый продукт, а распределяются на целый ряд продуктов. Это—издержки на администрацию, расходы на различные материалы, необходимые для содержания машин в порядке, издержки по износу средств производства и т. д. Все это и есть учет в сложном, т.-е. технически развитом хозяйстве. Без учета в современной фабрике-гиганте и в современном народном хозяйстве пришлось бы потерять всякую возможность следить за результатами производства.

Правда, капиталистический способ учета и ведения книг затемняет сущность хозяйственного учета. Он не ставит своей целью выяснить, удовлетворяет ли производство имеющиеся потребности, не спрашивает, в первую очередь, делает ли результат производственного процесса возможным расширение хозяйственного аппарата. Капиталистический учет исключительно интересуется выяснением размера чистого дохода, прибыли. Только этим кружным путем капиталистическое хозяйство удовлетворяет все нужды производства. Таким образом, капитали-

стическая погоня за наживой затемняет цель учета в хозяйстве. Сказанное относится также к тому, что только и делает возможным учет в капиталистическом хозяйстве, а именно к деньгам. Насколько, вообще, важны деньги (лишь при помощи их возможно сводить качества к количеству), настолько в капиталистическом хозяйстве эта существенная функция денег—быть общим знаменателем для всех товаров—затемняется и искажается.

Капиталистическое хозяйство извратило учет, его функции и методы, но это не должно руководить нами при обсуждении вопроса о том, какое значение имеет учет для хозяйства вообще и будет ли социалистическое хозяйство нуждаться в учете, как точном исчислении издержек производства. Представление, что социалистический строй сам по себе, как бы автоматически, будет обладать громадным количеством благ, представление о высшей стадии коммунизма, в которой без особого труда будет производиться такое количество благ, что оно будет в состоянии с избытком покрыть все мыслимые потребности человечества, — это представление, во всяком случае, не может относиться к первой стадии социалистического хозяйства. Ясно, что социалистическое общество должно будет, как и всякое другое, уметь быть хозяином. Вопрос о том, будет ли учет в социалистическом хозяйстве или нет, решается сам собою, если не предполагать это хозяйство обладающим чрезвычайной производительностью, а принять, что в начале оно будет стараться сохранить производительность капиталистического хозяйства и, лишь впоследствии, постепенно перейдет к высшим методам производства и производительности. Решающим обстоятельством является, что и социалистическому хозяйству не будет чуждо понятие издержек, что и в нем удовлетворение потребностей будет связано с предварительным употреблением рабочей силы [1]) и расходованием вещественных основ производства, следовательно, и социалистическое общество будет

[1]) То, что мы всюду говорим о рабочей силе и вещественных предпосылках производства, пусть не служит антимарксистам аргументом, что и марксистам приходится прибегать к этим двум категориям, когда речь идет о применении теории на практике. Эта терминология нисколько

заинтересовано в том, чтобы труд был достаточно успешным и покрывал издержки. В социалистическом хозяйстве учет необходим еще потому, что закон издержек, конечно, побуждает к самой высокой рациональности в хозяйстве, т.-е. к достижению наилучших результатов при возможно низких расходах. Социалистическое хозяйство, — по крайней мере, в своей первой стадии, а вероятно и в более поздних, — должно будет быть в этом смысле рациональным хозяйством, как и капиталистическое хозяйство; с той лишь разницей, что в капиталистическом хозяйстве степень рациональности измеряется не на основании соотношения между затратой и результатом; мерилом капиталистической рациональности является чистый доход частного предпринимателя. Это мерило дает правильный масштаб для суждения о рациональности хозяйства лишь в чрезвычайно узких рамках, в которых предпринимательская прибыль совпадает с интересами всего общественного хозяйства.

В сущности, вопрос, как он постоянно выдвигается противниками социалистического хозяйства, состоит не в том, необходим ли учет в социалистическом хозяйстве, а в том, будет ли он возможен в последнем. Это коренной вопрос. Дело идет не более и не менее, как о самой возможности социалистического хозяйства, так как хозяйство, в котором невозможно сравнивать затраты с результатами этих затрат, не говоря уже о сознательном проведении таковых в определенное желательное соотношение, есть нерациональное хозяйство; оно никогда не знает, можно ли производить то же количество благ с меньшими затратами, или сколько из результатов производства может быть потреблено и сколько должно быть отчислено на восстановление средств производства и на его расширение; такое хозяйство невозможно на длительный срок, оно в скором времени должно стать банкротом и остаться без всякой возможности ориентации. Поэтому вопрос, возможен ли в социалистическом обществе хозяйственный учет, является одним из существеннейших вопросов социализма вообще.

не затрагивает нашей позиции в вопросе о стоимости. она должна лишь служить к упрощению первоначального изложения предмета.

Из новейших экономистов этой проблемой занимались в последнее время в особенности Макс Вебер [1]) и Людвиг Мизес [2]). Изложение М. Вебера заслуживает большого внимания, тогда как Мизес, который полагает, что он первый доказал не только «этическую» невозможность социализма, но также экономическую и логическую неосуществимость его, ставит под сомнение беспристрастность своих научных доводов мелочной предубежденностью против всего социалистического. Точка зрения Вебера сводится к следующему: «Материальная и (в смысле точного учета) формальная рациональность неизбежно и широко расходятся между собой; эта основная и неотвратимая иррациональность всякого хозяйства является одним из источников всякой «социальной» проблематичности и, прежде всего, проблематичности социализма» (стр. 60). Формальная рациональность, по мнению Макса Вебера, обусловливается «степенью технически возможного и действительно примененного учета»; материальная рациональность зависит от фактического удовлетворения групп, возможного при определенном социальном строе хозяйства.

Учет, по мнению Вебера, лучше всего возможен в деньгах, причем он знает только капитальный учет, т.-е. «оценку и контроль шансов прибыли, путем сравнения денежной цифры всего производственного имущества при начале и конце отдельного производственного начинания или учетного периода, т.-е. путем сравнения первоначального и заключительного балансов». Таким образом, формальная рациональность выявляется у Вебера путем счета прибылей и убытков и, следовательно, эта рациональность учета достигнута в капитализме в наивысшей степени. Материальная рациональность осуществляется, по мнению Вебера, лишь в том случае, если вне всяких соображений о при-

---

[1]) Max Weber, Wirtschaft und Gesellschaft, I Teil («Grundriss der Sozialökonomik». 3. Abt.); срв. в особенности §§ 9—14, стр. 44 и след.

[2]) Мизес изложил свои мысли по этому вопросу сначала в статье: «Die Wirtschaftsrechnung im sozialistischen Gemeinwesen», появившейся в «Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik», 44 Band. Изложенные там рассуждения он почти без изменения перенес в свою последнюю работу, которая посвящена «окончательному» сокрушению социализма: «Gemeinwirtschaft», Jena 1922.

были и убытке люди наделяются благами по определенному принципу. Оба эти возможных вида рациональности, по мнению Вебера, широко расходятся между собой; причем высшую формальную рациональность он видит в капиталистическом хозяйстве, потому что оно ведет учет по капиталу. Противоположностью является плановое хозяйство с натуральным учетом, так как задачей его является не рациональный учет, а распределение благ по определенным принципам. Мы уже здесь не согласны с точкой зрения Вебера. Уже совершенно независимо от вопроса [1]), возможен ли учет в хозяйстве, применяющем известные принципы распределения и на них строящем получение дохода, мы считаем неправильным характеризовать социалистическое хозяйство исключительно материальной рациональностью, т.-е. исключительно известными социальными принципами распределения. Кто поступает таким образом, тот рассматривает проблему социализма лишь с одной стороны, и, притом, даже не с самой существенной. Частная собственность на средства производства и построенное на ней хозяйство капитализма, разрыв связи между производителями, несмотря на то, что с прогрессирующим разделением труда они все более зависят друг от друга, стремление отдельных предпринимателей к полной автономии и обусловленное этим отсутствие плана в хозяйстве, вся организация хозяйства с точки зрения предпринимательской прибыли, а не по принципу покрытия издержек и расширения производства — все это должно исчезнуть вместе с капиталистическим хозяйством. Отсутствие планомерного распределения не является конститутивным признаком капиталистического строя; поэтому главнейшие изменения будут состоять не в одной отмене капиталистического метода распределения. Макс Вебер неправильно характеризует социалистический строй исключительно по его методам распределения и сводит к ним всю его организацию.

К этому надо еще добавить, что Макс Вебер берет для своих рассуждений тип натурального хозяйства по Отто Ней-

---

[1]) Проблему точного учета издержек на социальное распределение подробно рассматривает Karl Polagny, «Sozialistische Rechnungslegung», Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, Bd 49, Heft 2, стр. 377 и сл.

рату, в котором на первом месте стоит планомерное распределение. У Нейрата можно найти лишь очень немного, чтобы не сказать ровно ничего, об организации производства в его плановом хозяйстве. Плановое хозяйство Нейрата, действительно, отказывается от учетной рациональности, у него идет речь лишь о наделении благами. Но Макс Вебер, выступая против социалистического хозяйства, обязан был бы остановиться на иных, более близких к осуществлению, формах социализации и исследовать в них возможность рационального учета и совместимость его с социальными принципами распределения. Здесь пока еще не место касаться деталей; но скажем лишь, что социалистический строй можно представлять себе и не в виде «мировой казармы», в которой каждый отдельный член общества получает книги по пайку и жителей каждого дома по временам водят в кинематограф и т. п. [1]). Именно в том и состоит исключительное значение гильдейского социализма, что он помогает социалистам освободиться от казарменных идеалов военного социализма и рисует позитивное «свободное» социалистическое хозяйство [2]); он идет подобными же путями, в деле учета исходит из капиталистической системы учета, точно так же, как гильдейский социализм примыкает к естественному делению и организации промышленности. Таким путем рациональные методы учета Макса Вебера могли бы быть усвоены и социализмом, а именно в их здоровом ядре, а не в том затемненном виде, который имеет учет при капитализме.

Итак, необходимо объединить оба типа хозяйственной рациональности, которые у Макса Вебера совершенно расходятся; Веберовская классификация и противоставление капиталистического и социалистического хозяйств, по меньшей мере, не уловили самых существенных и важных различий между этими

---

[1]) В отрицании конечных выводов из планового хозяйства Отто Нейрата мы сходимся с Карлом Каутским, который в своей последней книге: «Die proletarische Revolution und ihr Programm» (Stuttgart 1922) приводит эти несколько насмешливые, но характерные примеры.

[2]) Как реакция против «казарменных идеалов военного социализма» гильдейский социализм мог иметь «исключительное» значение разве только в головах германских меньшевиков. Прим. ред.

последними. Классификация, предложенная Максом Вебером, не целесообразна даже если считать, что, как и всякая классификация, она должна установить не столько фактические возможности, сколько прежде всего абстрактные различия. Она не считается с ходом исторического развития, которое диалектически согласует противоречия обоих типов. Новые типы учета не «ворвутся» сразу, нарушая преемственность в экономике; по всей вероятности, мы будем лишь понемногу отдаляться от капиталистических методов учета. Хозяйство, построенное исключительно на социальных принципах распределения, не придающее значения учету, является утопией и не может быть положено в основу классификации. Примирение указываемых Максом Вебером противоречий будет происходить таким образом: народное хозяйство освободится от всех черт, связанных с частной собственностью на средства производства, сохранит разделение труда и массовое промышленное производство и будет иметь внешний вид, подобный нынешнему; оно усвоит социальные принципы распределения, но их всегда можно будет охватить рациональным хозяйственным учетом, они будут проводиться все сильнее с ростом богатства.

Счет на деньги и капитал, по мнению Вебера, является одной из основ рациональности в капиталистическом хозяйстве. В этом он вполне сходится с Мизесом, который долго блуждает, прежде чем дойти от точки зрения субъективной теории ценности к объективному измерению меновых стоимостей [1]. Мизес указывает на то, что учет полуфабрикатов и вообще благ, еще не совсем готовых для потребления, обмен между фабрикой полуфабрикатов и фабрикой, ведущей дальнейшую их переработку, по необходимости исключает натуральный обмен. В этом можно

[1] Срв. «Gemeinwirtschaft», стр. 101; «Считать можно только в единицах, однако единицы субъективной потребительной стоимости не может быть». Итак, нельзя вести счет на почве субъективной стоимости, а так как к рациональности хозяйства можно притти только путем счета, то при первом же прорыве экономической действительности идет прахом столь тонкая в других отношениях субъективная теория стоимости. Таким образом, Мизес фактически вынужден признать объективную меновую стоимость, хотя он не ставит себе вопроса, как она образуется.

согласиться с Мизесом и Максом Вебером. Представление Нейрата, будто речь идет лишь о распределении готовых благ, которые возникают словно по мановению волшебного жезла, именно и повело к указанным возражениям; но авторы выставляют их не только против «планового хозяйства» Нейрата, а совершенно несправедливо и против всякого социалистического хозяйства. Каким образом будет вести учет фабрика полуфабрикатов, каким образом будет подводиться итог работе каждого единичного производства — все это остается совершенно неясным у Нейрата. Но его «натуральное хозяйство» не единственный путь к социализму. Мизес делает неверное обобщение из того факта, что натуральный учет может объять лишь хозяйственные блага, стоящие вне оборота; вот его вывод: «Каждый шаг, который удаляет нас от частной собственности на средства производства и от употребления денег, удаляет нас также от рационального хозяйства» (стр. 107). Отмена частной собственности на средства производства далеко не равносильна отмене денежного хозяйства, или всякой возможности учета. Это сознает также и Мизес и поэтому сам ограничивает свое неверное обобщение. Он пишет: «Социалистическое хозяйство, правда, не должно обязательно устранить деньги, но оно делает невозможным выражение в деньгах цен на средства производства (включая и труд). Поэтому деньги не могут играть роли при учете» (стр. 109). Далее Мизес говорит о социалистическом хозяйстве, в котором, подобно тому как в капиталистическом концерне, происходил бы взаимный расчет между отдельными частями целого. «Этот расчет — говорит он — является здесь совершенно невозможным, так как в концерне самостоятельные расчеты отдельных отраслей одного предприятия покоятся исключительно на образовании рыночных цен... там где отсутствует свободный рынок, не может происходить образование цен, а без образования цен невозможен и хозяйственный учет... меновые пропорции могут образоваться лишь на почве частной собственности». Таким образом, рассуждения Мизеса сводятся к следующему: в социалистическом хозяйстве нет рынка; без рынка не может быть оценки благ, без нее нет цен, без цен — учета, без учета — рациональности и, наконец, без рациональности не может быть хозяйства.

в собственном смысле этого слова. Макс Вебер, в конце концов, также приходит к выводу, что формальная рациональность связана с особыми условиями, из которых первым является рыночная борьба автономных хозяйств. «Денежные цены являются результатом борьбы и компромиссов, т.-е. столкновения сил». (стр. 58). По вопросу о натуральном учете Макс Вебер говорит: «Для полной социализации, которая имеет в виду исчезновение действительных (effective) цен, эта проблема (проблема учета) является действительно центральной» (стр. 56). Таким образом, и у Макса Вебера главным доказательством того, что в социалистическом хозяйстве (читай: плановом хозяйстве) не возможно образование цен и поэтому не возможен также учет, является его положение, что в социалистическом хозяйстве нет рынка, конкуренции, свободной игры спроса и предложения и, поэтому, также действительных цен, т.-е. цен, которые являются результатом «рыночной борьбы». Формальная рациональность капиталистического хозяйства, построенного на рынке и конкуренции, а значит, на частной собственности, и материальная рациональность социалистического хозяйства, которое не знает частной собственности на средства производства, — столь сильно расходятся здесь, что, по Максу Веберу, социалистическое хозяйство не возможно, как рациональное в нынешнем смысле или, говоря словами Мизеса, «не осуществимо».

Итак, рынок, рыночная конкуренция — вот тот большой знак вопроса, который возникает для социалистического хозяйства. Правильно ли, что, с уничтожением рыночной борьбы в ее нынешнем виде, образование цен и учет издержек окажутся невозможными? Правильно ли, что капиталистическая рыночная борьба не может быть ничем заменена в социалистическом хозяйстве, что в последнем не существует никакой точки опоры для учета ценности и цены, что стремление найти эти точки опоры путем учета издержек должно неизбежно повиснуть в воздухе и что социалистическое хозяйство, как нерациональное, не могущее считать, должно будет расточать рабочую силу и вещественные предпосылки производства и в конце концов рухнет вследствие невозможности контроля? На все эти важные вопросы мы постараемся дать ответ.

ЦЕННОСТЬ, ЦЕНЫ И ДЕНЬГИ

Для вульгарных экономистов рынок является панацеей. С исчезновением рынка, с отпадением конкуренции, не может быть, по их мнению, никакого образования цен в социалистическом хозяйстве. С исчезновением «действительных» цен (они возможны только при свободном рынке) хозяйство перестает быть рациональным в нынешнем смысле, да и вообще во всяком, будет неосмысленным, без какого-либо контроля...

Каким образом происходит образование цен? Товары не попадают на рынок в качестве листов белой бумаги, которые исписываются лишь путем торга между продавцами и покупателями. Каждый товар поступает на рынок с определенной собственной ценой, не взирая на чудесное образование цен спросом и предложением, эта производственная цена [1]) должна быть точнейшим образом вычислена, — без нее не мыслимы капиталистическое производство и рыночная борьба — она является не чем иным, как проявлением принципа издержек. Производственная цена является исходным пунктом для борьбы на рынке; эта последняя происходит главным образом потому, что на рынок часто поступают одинаковые товары с разными производственными ценами; задачей конкуренции является тогда выравнивание различных методов производства, она это делает не сознательно, как это имело бы место в общественно организованном производстве, а бессознательно, путем кризисов, с невероятными жертвами, — результат капиталистического строя.

---

[1]) В тексте сказано: Gestehungspreis. В дословном переводе: цена по себестоимости. Прим. ред.

Итак, правильно ли, что образование цен вообще невозможно, когда, например, «угольная община» поставляет «железной общине»? Не играет ли, даже при капиталистическом строе, учет издержек производства наиболее важную роль при образовании цен? Здесь прежде всего следует установить следующее. Указанная функция рынка, как фактора образования цен, не существенна для социалистического учета. В чем заключается работа рынка при капитализме? Он сравнивает издержки производства в различных, независимых друг от друга предприятиях и осуществляет таким путем постоянный контроль над состоянием производственных методов. Методы отдельных предприятий должны сравняться с методами наиболее сильных и развитых предприятий. В этом, а не в образовании цен, заключается главная функция рынка; поэтому на ней прежде всего нам следует остановить внимание. Только в отношении этой функции рынка мы должны исследовать вопрос, может ли социалистическое хозяйство чем-либо заменить ее.

Нижеследующее изложение капиталистического счета (учета) денег, ценности и цены должно, прежде всего, показать, что при образовании цен решающее значение имеют издержки производства, затем свести роль капиталистического рынка на необходимые рамки. А потом мы ответим на вопрос, имеют ли остающиеся общественно-важные функции рынка то же значение в современную эпоху, что и в период раннего капитализма, и действительно ли они совершенно незаменимы в социалистическом обществе.

* * *

Капиталистический учет распадается на предварительную и последующую калькуляцию. Предварительная калькуляция точно калькулирует, оценивает, на основании богатых технических знаний, материалы, необходимые для производства, и их цены, вычисляет необходимые рабочие операции и их предполагаемую продолжительность, их наилучшее распределение на наличный машинный парк и т. д., служит прежде всего техническим целям. Она является скорее сметою расходов, чем учетом; но и она не была бы необходима в такой степени и

с такой точностью, если бы при прямых заказах решающим моментом для образования цен были лишь спрос и предложение. Последующая калькуляция учитывает, на основании полученных данных материального учета, издержки по пошедшему на производство материалу, а по ведомости работ—издержки по оплате рабочих. Полученная сумма составляет издержки производства; по надбавке к ним прибыли (обыкновенно твердой), выставляется фактурная цена. Если бы спрос и предложение были единственным решающим моментом, то этот точный и отнимающий много времени учет был бы пустым времяпровождением, разве чтобы выяснить, сколько теряет производитель, повинуясь указке спроса и предложения, или насколько его производственный аппарат работает дороже, чем у его конкурентов; этот последний пункт, действительно, имеется в капиталистическом учете, этим средством и работает конкуренция. Если капиталистический учет полностью произведен на какой-либо фабрике, он может в любой момент точно выяснить ценность каждого полуфабриката, каждого предмета, проходящего еще процесс производства, каждой отдельной рабочей операции. Он может установить, в которой из мастерских, на которой из ее машин, при посредстве которой рабочей силы, данная рабочая операция обходится дешевле; он может, таким образом, крайне увеличить рациональность процесса производства. К этому присоединяется другая функция капиталистического метода учета. На всякой крупной фабрике имеется целый ряд расходов, которые не входят непосредственно в готовый продукт. Сложное производство сериями, например, производство целого ряда одинаковых машин, требует, в целях технической точности и механизации рабочего процесса, ряда приспособлений и инструментов, которые изготовляются исключительно для производства этой серии. Все это обременяет выпускаемый в продажу продукт. Расходы на целый ряд материалов, как, например, на смазочное масло или уголь, также ложатся на целый ряд продуктов, должны быть установлены капиталистическим учетом, причем должно быть вычислено влияние их на цену отдельного фабриката; содержание служащих ложится на предприятие в его целом, это принимается в расчет, как административные расходы (Regie).

Еще целый ряд иных расходов ложится на единичный продукт. Точнее: к хозяйственному результату, получаемому в готовом продукте (в меновом хозяйстве—к цене), должен быть присчитан определенный процент на эти категории. Одной из крупных заслуг капиталистического метода учета является то, что он сделал возможным эти тонкости в хозяйственном учете. Принцип учета издержек, который капитализм выработал для своего технически чрезвычайно сложного аппарата, может быть применен также к ложащимся на производство социальным издержкам. Каждая правильно поставленная фабрика знает, сколько стоит ей та или иная мера по охране труда: например, сколько непроизводительной заработной платы вызывает закон об отпусках рабочих и как это удорожает любой товар. Таким же образом могут быть учтены все расходы при введении социальных принципов распределения. Так, например, страхование детей является не чем иным, как таким принципом распределения, оно равносильно улучшению положения рабочих с многочисленной семьей; правильно поставленная фабрика может расходы по этой статье легко распределить на каждый отдельный выпускаемый ею продукт, и если бы в социалистическом обществе какая-либо фабрика была вынуждена сдавать часть своей продукции «бесплатно», в пользу той или иной группы, то это тотчас сказалось бы на прочих продуктах повышением процента расходов. Таким образом, если мы представим себе социалистическое хозяйство в виде единой капиталистической фабрики, то сам собой намечается путь к разрешению проблемы, как учитывать в социалистическом хозяйстве издержки производства и распределения. Карл Поланьи (в его «Sozialistische Rechnungslegung» [1]) тщетно бьется над этой проблемой; это объясняется тем, что он не принимает во внимание методов капиталистического учета, при помощи которых вопрос, кажущийся ему столь трудным, может быть решен сравнительно просто. Эта возможность именно важна для ответа на вопрос, выдвинутый Максом Вебером, возможно ли совместить формальную (учет)

---

[1]) «Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik», Bd 49, Heft II, стр. 377 и сл.

и материальную рациональность, т.-е. могут ли быть точно учтены и скалькулированы издержки, связанные с введением социальных принципов распределения.

Но возвратимся к нашей проблеме. В хозяйственном строе, который развил с величайшей субтильностью этот учет, в строе, в котором каждое предприятие тратит значительную часть своего излишка на точное вычисление издержек производства, спрос и предложение не могут быть единственным решающим фактором при окончательном установлении цен. Предприниматели могут лишь в отдельных случаях руководствоваться законом спроса и предложения, который, в сущности, ничего не объясняет и напоминает нам, как некий барон пытался вытащить себя за свою косу. Например, если они сознательно ведут дело в убыток и продают свои товары по ценам ниже вычисленной себестоимости. Однако даже этот случай предполагает точное вычисление издержек. Равным образом, торг на рынке тоже происходит не без точного знания издержек; часто договоры о поставках обсуждаются на основании предварительной калькуляции,—в современных условиях развитого капитализма она не является уже ахти каким секретом; и если не достигают соглашения о цене, то калькуляция производится во всех деталях еще раз; проверяется еще раз рабочее время, необходимое для отдельных операций, и состояние технического производственного аппарата, в целях выяснения, не возможно ли снизить издержки производства. Представление, что цены устанавливаются на рынке «автоматически» и что с отпадением рынка вообще нельзя будет знать, что стоят различные блага, является всецело выдумкой вульгарных экономистов.

В рассматриваемую нами проблему входит также вопрос о монопольных ценах, ценах на продукты горного дела и вообще на все те блага, в которые в качестве составной части входят т. н. «дары природы». Оставляем в стороне поднятый теоретиками субъективной ценности вопрос, в состоянии ли марксистская теория ценности вообще объяснить монопольную цену. Это дискуссия об одном из пунктов учения Маркса о ценности, который не особенно важен с экономической точки

зрения и до сих пор не нашел себе надлежащего места в учении о трудовой ценности [1]). Мы остановимся лишь на практическом возражении, которое делается сторонниками субъективной теории ценности. Они утверждают, что при попытке установить трудовую стоимость, социалистическое общество потерпит фиаско; главным образом, из-за монопольных благ, т.-е. благ данных в определенном количестве, которое не может быть увеличено по желанию; что в отношении к этим благам могут быть учтены лишь фактические издержки, например, по добыче угля или калия, что, таким образом, цена этих благ оказалась бы несоответственно низкой [2]), а поэтому потребление их чрезвычайно увеличилось бы; что вследствие этого все общество в очень непродолжительном времени должно обеднеть и хозяйство его остановиться. Это возражение понятно с точки зрения частно-капиталистического образа мышления. Но социалистическое хозяйство может избегнуть указанной опасности; прежде всего тем, что установит в своем хозяйственном плане меру потребления таких редкостных благ и, путем такого нормирования, устранит опасность «неправильного» образования цен. Но если даже не пойти по этому пути, если даже желают избежать такого вмешательства в хозяйственную жизнь, то социалистическое хозяйство все же может устанавливать на монопольные продукты цены, которые значительно выше их себестоимости; это

---

[1]) Странное в устах марксиста и голословное утверждение.

Прим. ред.

[2]) В своей книге «Gemeinwirtschaft» Людвиг Мизес так далеко заходит в защите капитализма и его самых безотрадных явлений, что славословит даже ренту в горном деле. «Раз возникает такая монополия, то конкурентная цена заменяется более высокой, монопольной. Доход горнозаводчиков растет... Так как в горном деле монопольная цена часто заменяет конкурентную, то в результате с ценными горными продуктами поступают бережливее... чем меньше люди потребляют из этого запаса, тем больше они оставляют для хозяйства будущих поколений. Отсюда видно, какое значение следует придавать утверждениям, будто монополия является противоречием между производительностью в народнохозяйственном смысле и частнохозяйственной доходностью» (стр. 382 — 383).

Капитализм именно так блестяще устроен, что при нем монопольная рента заменяет рациональный план использования угольных залежей!

ограничит потребление так же, как нормировка его. Мы не решаем здесь вопроса, который из обоих методов более пригоден для социалистического хозяйства. Мы не решаем здесь также данной теоретической проблемы (из области ценности). Указываем только на практическую возможность для социалистического хозяйства предотвратить чрезмерное потребление редкостных благ, на возможность этого, несмотря на отсутствие рынка и рыночного образования монопольных цен.

Даже представители субъективной теории ценности, которые так возвеличивают роль рынка, не могут отрицать необходимости точного учета издержек и по отношению к монопольным благам. Чтобы знать, на какой высоте должна быть вообще установлена рента, входящая в цену монопольных благ, и как обирать потребителя, необходимо прежде всего знать, каковы были действительные издержки. Итак, и в этом особенно благодарном для них случае они не могут миновать первичного и основного учета себестоимости.

Это преклонение перед рынком и неумение представить себе строй хозяйства, в котором рынок существует в другом виде, нежели при капитализме, совершенно понятны и для вульгарных экономистов извинительны. Здесь перед нами не что иное, как фетишизм рынка, достойный товарищ так прекрасно охарактеризованного Марксом товарного фетишизма. Маркс говорит по этому поводу следующее: «Таинственность товарной формы состоит просто в том, что она является зеркалом, которое отражает людям общественный характер их собственного труда, как общественные свойства данных вещей, присущие им от природы; поэтому и общественное отношение производителей к коллективности представляется им находящимся вне их общественным отношением вещей... Это лишь определенное общественное отношение самих людей, которое принимает в их глазах фантастическую форму отношения между вещами; чтобы найти аналогию этому, нам пришлось бы забраться в туманные области религиозного мира. Здесь продукты человеческой мысли кажутся самостоятельными существами, одаренными собственной жизнью и находящимися в известных отношениях к людям и между собой. Такую же роль играют в мире товаров продукты чело-

веческих рук. Это я называю фетишизмом, который присущ продуктам труда, раз только они производятся как товары, и который, следовательно, неотделим от всякого товарного производства» [1]. Такой же фетишизм приписывается не только товарам, но и месту, где эти товары встречают друг друга. Товары поступают на рынок в виде объектов обмена и первоначально не представляют собой ничего иного, кроме полезностей. Они поступают на рынок уже как результат известной затраты рабочей силы и вещественных факторов производства. На рынке устанавливается лишь то, что является общим в этих различных товарах. Общественный факт зависимости производителей друг от друга, который вынуждает их появляться на рынок с их продуктами (с предварительно довольно точно уже определенной меновой стоимостью) теперь вдруг истолковывается обратно: рынок, который служит лишь местом, где обмениваются эти продукты, рынок, само существование которого является лишь результатом определенных общественных условий (а именно частной собственности на средства производства), метафизически перетолковывается вульгарными экономистами в чудо, при помощи которого только и могут образовываться цены товаров. Это явление мы называем фетишизмом рынка.

Этот фетишизм настолько силен, что даже марксист такого ранга, как Карл Каутский, переоценивает значение рыночной цены и даже говорит об «исторически данных» ценах, которые когда-то образовались на рынке путем борьбы и поэтому получат надолго преимущество в начальных стадиях социалистического хозяйства. Марксистам тоже легко впасть в преувеличение действительного значения рыночных процессов; это особенно понятно, если, изучая образование цен на практике и фактические методы учета, они слишком увлекаются теорией средней нормы прибыли и ее происхождения на почве конкуренции. При этом сказывается тот испуг по поводу мнимого противоречия между первым и третьим томом «Капитала», который слишком глубоко засел в душу некоторых марксистов. Тот факт, что на рынке товары продаются по цене, которая не соответствует их

---

[1] Карл Маркс, Капитал. Том первый. Госиздат, 1923 г., стр. 39—40.

трудовой стоимости, объясняется в 3-м томе капиталистической конкуренцией, легкостью перемещения отдельных капиталов из отраслей производства с низким органическим составом капитала в отрасли с более высоким органическим составом. Этот факт вызывает неправильное представление, что точное установление ценности товаров невозможно для производителей, раз на рынке товары все равно продаются по иным ценам, чем те, которые соответствуют их ценности. «Ценность проявляется лишь в том, что чем значительнее или длительнее отклоняются от нее рыночные цены — тем большее это вызывает сопротивление, а оно ведет к изменению производственных цен, которое противодействует отклонению цены от ценности» [1]).

Ввиду выравнения нормы прибыли в различных отраслях производства, товары продаются не в точном соответствии к их ценности, а либо ниже ее, либо выше. Так как это происходит путем конкуренции и так как реализация прибыли завершается на рынке и, таким образом, на рынке определяется окончательная цена [2]) товара, которая часто не соответствует трудовой ценности, то и марксист вводится в искушение переоценивать действительное значение рынка. Это отклонение от законов ценности не означает, однако, что указанное выравнивание происходит между предпринимателями на рынке, что к их производственным издержкам прибавляется средняя норма прибыли, определяемая соотношением спроса и предложения и положением рынка. Нет надобности подробно доказывать, что фактически процесс происходит совершенно иначе. Средняя норма прибыли осуществляется уже раньше, при установлении производственных издержек, а именно при развитом капитализме обычно оперируют с твердыми ставками прибыли, которые, в общем, остаются одинаковыми в течение определенного конъюнктурного периода и при калькуляции цен надбавляются в качестве минимума на все продукты; эти ставки соответствуют теоретическому понятию средней нормы прибыли. Не рынок, на котором обмениваются готовые товары, производит сам кор-

[1]) Kautsky, Proletarische Revolution und ihr Programm (стр. 320, 321).
[2]) В тексте сказано: ценность. Прим. ред.

ректуру при помощи каких-то тайных присущих ему сил; это выравнивание происходит в конкуренции капиталов за лучшее помещение. Рынок, значит, и здесь не дает ничего такого, чего уже раньше не было налицо.

Однако за рынком нельзя не признать следующей функции. Рынок является не только местом, где скрещиваются спрос и предложение, где торгуются покупатель и торговец; на рынке встречаются также продукты различных фабрик, расположенных в различных, неодинаково благоприятных условиях, работающих различными, неодинаково совершенными методами производства и с различной рабочей силой. При капиталистическом денежном хозяйстве все эти различные качества могут выразиться лишь в одном — в цене. Не в той цене, которая образуется лишь на рынке туманным путем торга, а в той, которая соответствует издержкам производства плюс (вероятно одинаковая всюду) надбавка на прибыль. Из различия цен отдельные предприниматели усматривают, насколько их методы производства и состояние их фабрик отстают от передовых предприятий, которые дают наиболее низкие цены при одинаковых надбавках на прибыль. При этом возникает не борьба за выравненную среднюю цену, а попытки отсталых предприятий приблизиться к технически более совершенным предприятиям, т. е. стремление к удешевлению производства. Если наиболее дешевый производитель в состоянии удовлетворить всю существующую потребность, то он получит все заказы. Если нет, то к поставкам будет привлечено и следующее по дороговизне предприятие, при чем первый, лучший производитель получит, по всей вероятности, дополнительную прибыль. Прочие предприниматели будут тем временем стараться улучшить свои методы производства и, таким образом, встреча на рынке различных методов производства, или, точнее сказать, их результатов, является фактором постоянного технического прогресса производства. Наши фетишисты рынка возразят на это: но ведь и мы тоже понимаем лишь этот факт под рыночной борьбой и игрой спроса и предложения. В самом деле, если не освободиться самым решительным образом от фетишизма рынка, то легко впасть в искушение. Но действительно-ли описанная нами борьба является исключительной

заслугой рынка? Забудем о затемняющем действительные процессы хозяйства факте товарного производства и будем исходить из строя, не знающего частной собственности на средства производства; пусть в нем имеется несколько фабрик, производящих инструментальные машины одинакового типа, причем ни одна из них не может покрыть всей существующей потребности; предположим далее, что этот хозяйственный строй имеет возможность производить учет, что он не ограничивается предложенным Отто Нейратом тяжеловесным и неясным методом сравнения поступающего и выпускаемого материала, но в состоянии совершенно точно учесть результаты производства. В таком случае, вероятно, окажется, что успехи этих фабрик будут весьма различны, пока они будут придерживаться перешедшей от капитализма периода привычки держать в тайне свои методы производства и т. д. Если станут доискиваться причин различной успешности этих фабрик, — а это можно будет сделать тем лучше, что этому не будет мешать частная собственность на средства производства, — то возможно будет уравнить производственные методы этих фабрик: постараются свести издержки по администрации к минимуму, достигнутому самой успешной из этих фабрик, отдельные рабочие операции целесообразно распределят на наличный машинный парк, уравняют качество его на разных фабриках и поставят, таким образом, все наши фабрики в одинаковые условия. Останутся лишь известные различия в зависимости от местоположения фабрики или иных особенно благоприятных условий. Фабрики, поставленные в такие благоприятные условия, будут давать дифференциальную ренту или, выражаясь капиталистически, добавочную прибыль; она, конечно, не должна поступать только в их пользу, а, выражаясь опять-таки капиталистически, будет изъята путем налога. Спрашивается: заслуга ли рынка, что на нем выявляется и выравнивается эта различная успешность отдельных предприятий? Если различные производственные условия ведут к различным результатам, то не кроется ли это в самой природе производства, основанного на разделении труда и происходящего в различных местах? Производственные методы выравниваются обходным путем через рынок потому, что в обществе с частной собствен-

ностью на средства производства, а следовательно, с «коммерческой тайной» не имеется для этого никакой другой возможности. Однако не гораздо ли проще и целесообразнее отказаться от всякой таинственности и, после окончания какого-либо производственного процесса и точного учета его результатов на различных заводах, собраться для взаимного обмена опытом, для выравнивания условий работы и для солидарного улучшения методов производства? При капиталистическом строе препятствием к подобному обмену опытом является частная собственность на средства производства, так как каждый предприниматель желает добиться наиболее высокой прибыли только для себя и поэтому держит в секрете свои производственные достижения и методы. Однако, в конце концов, побеждает социальная тенденция разделения труда; предприниматели-капиталисты вынуждены выйти со своими товарами на рынок и только таким образом происходит (далеко не так просто и совершенно, как это возможно в обществе без частной собственности на средства производства) техническое усовершенствование производства; конечно, также кружным путем, через различные кризисы, причем гибнут многие предприниматели, которые не в состоянии устоять против конкуренции. В этом мы опять видим блестящий пример фетишизма рынка. Уравнивание методов производства, явная необходимость при работе на различных фабриках, происходит здесь путем конкуренции, которая является, таким образом, конститутивным признаком общества с частной собственностью на средства производства. Весь процесс происходит здесь на рынке; с точки зрения конструкции всего хозяйства в целом это является, в сущности, только случайностью. Фетишист, однако, возводит рынок на положение самостоятельного, сознательно регулирующего субъекта и не может себе представить хозяйство без рынка. Вульгарные экономисты видят только туманный флер над вещами.

Итак, можно отлично представить себе, что сопоставление результатов различных производств происходит без конкуренции; при этом разумно используется стремление рабочих и служащих поставить на возможную высоту производство в предприятии. Такое сопоставление возможно, притом, не на почве утомитель-

ного и неясного натурального учета, а путем взаимного обмена производственным опытом. Плановое хозяйство Отто Нейрата мы считаем совершенно невыполнимым, потому что Нейрат принимает в соображение лишь все народное хозяйство в его целом и в своих многочисленных трудах о социализации нигде не задает себе вопроса о том, каким образом будет происходить совместная работа и взаимный расчет отдельных производств. Главнейшее условие при построении социалистического хозяйства—это возможность дальнейшего совершенствования производства и сохранения инициативы в отдельном предприятии. Великая историческая заслуга гильдейского социализма—это то, что он создает эту возможность сопоставления результатов отдельных предприятий и сохранения известной разумной самостоятельности их; в объединении однородных производств в гильдии он создает даже предпосылки для более целесообразного контроля [1]). Создание отдельных «социалистических ячеек» в капитализме не имеет ничего общего с такого рода социалистической «конкуренцией», так как не уничтожает антагонистической формы конкуренции.

Мы подошли к вопросу о значении конкуренции для образования цен при капитализме и для народного хозяйства вообще. Оставляем в стороне старый спор о том, не прекратится ли вместе с отпадением антагонистической формы конкуренции всякая инициатива в хозяйстве, не замрет ли всякий интерес и стремление вперед. Раз разоблачен фетишистский характер рынка, то этим доказана возможность и даже необходимость неантагонистической формы конкуренции. В чем же заключается роль капиталистической конкуренции? В раннем капитализме она, несомненно, имела гораздо больше значения, чем в настоящее время. Тогда капиталистический способ производства со всеми его техническими чудесами был еще новью, и кто обладал особыми личными качествами, тот мог далеко превзойти другого. На рынке резко столкнулась развитая производственная техника с техникой отсталой; его внезапно наводнили фабрикаты,

---

[1]) Автор считает гильдейский социализм единственной панацеей. Прогресс техники и пр. в социалистическом хозяйстве, конечно, обеспечен и без него. Прим. ред.

изготовленные рациональнее других, своим качеством и низкой ценой они побивали имевшиеся еще на рынке ремесленные изделия; это была промышленная, и в особенности техническая революция. Другие предприниматели вынуждены были понижать свои цены, в противном случае они совершенно вытеснялись с рынка, который, таким образом, играл в ту эпоху еще решающую роль. Это была его героическая эпоха: между предметами, изготовленными старым ремесленным способом, и товарами, изготовленными по новым, промышленным приемам, разыгрывалась действительно рыночная борьба. С развитием капитализма, его производственная и хозяйственная техника проникает во все поры народного хозяйства; под влиянием крайне тяжелых кризисов, все предприниматели должны были усвоить себе искусство современного товарного производства. Конечно, и при развитом капитализме происходят технические усовершенствования, значительно улучшающие производство и вызывающие также перемены на рынке цен, однако, до промышленных революций дело уже не доходит. Столкновения на рынке в общем не ведут уже к коренным переворотам. Вместе с исчезновением больших различий в методах производства, исчезают в развитом капитализме и «производственные тайны». В настоящее время каждый предприниматель знает о своих конкурентах все, что он хочет знать. С этим отпадает другой момент антагонистической формы конкуренции. Рабочие переходят из одного предприятия в другое, накопляют опыт, узнают лучшие производственные методы в своей отрасли; они пользуются тем, чему выучились в одном предприятии, для повышения своей сдельной выработки в другом. Служащие часто меняют места; интересующиеся прогрессом своей отрасли технические служащие и дельные инженеры не выдерживают долго на одной фабрике, они желают расширить свой опыт; они предоставляют все свои познания, приобретенные в прежних предприятиях, к услугам нового хозяина. Фабричные организаторы тоже переходят через много предприятий и используют свой опыт, результаты того или другого организационного мероприятия, в тех предприятиях, куда они попадают. Наконец, предприниматель переманивает служащих из конкурирующих

предприятий, чтобы узнать секреты этих предприятий. Каждый продавец всегда осведомлен о продажных ценах в предприятиях его отрасли. Правда, в нашем наилучшем из всех миров это требует всевозможных уловок и не обходится без кривды. Большие ярмарки служат не только для расширения сбыта, они выявляют всю конкуренцию в данной отрасли, показывают совершенно откровенно различные конструкции машин, осведомляют также о ценах, — ведь цены сообщаются каждому спрашивающему о них посетителю ярмарки, причем четыре пятых осведомляющихся, конечно, просто на просто конкуренты. С ростом числа предприятий, обязанных публичной отчетностью, все больше предаются гласности также бухгалтерские итоги предприятий, хотя последние обычно остерегаются показать правду.

К этому присоединяется то, что мы называем производственным контролем рабочих и служащих при капитализме. По мере того, как развивается профессиональное движение, рабочие и служащие объединяются в производственные союзы; с учреждением фабзавкомов рабочие и служащие приучаются чувствовать себя не только наемными рабами, а сознательными членами производственного процесса; объединение фабзавкомов по отраслям промышленности, их занятие вопросами промышленности, их обмен опытом, статистика заработной платы и даже попытки производственной статистики—все это вместе взятое кладет начало так называемому контролю производства и в той же мере окончательно исчезают производственные тайны раннего капитализма. Контроль производства, помимо своего воспитательного значения для рабочих и служащих, является, таким образом, и в этом смысле одним из элементов развития социалистического хозяйства внутри капиталистического, предтечей неантагонистической конкуренции.

Параллельно с этим происходит объединение отдельных предприятий в картели и тресты. Об этом уже много писалось [1]), мы не будем повторять уже известное, укажем лишь, что

---

1) Срв. различные труды Лифмана, а также главным образом Гильфердинга, Финансовый Капитал.

в тресте антагонистическая форма конкуренции уже устранена, в нем имеет место лишь сопоставление производственных результатов, в том смысле, как об этом говорилось выше. Ни одна составная часть треста не может выигрывать за счет другой части; если одна поставляет другой, то отпускная цена является делом соглашения и методов учета. Иногда учитывают лишь материал, заработную плату и «административные» расходы, а вся прибыль выявляется лишь в последнем звене треста, продающем товары прочему миру; иногда же прибыль определяется бухгалтерским подсчетом по отдельным предприятиям треста. На этой картине крупного треста и развивающегося генерального картеля нам придется еще подробно остановиться, при обсуждении учета в социалистическом хозяйстве.

УЧЕТ ПРИ ТОВАРНОМ И ПРИ ОБЩЕСТВЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Вся экономическая история ясно показывает тенденцию к обобществлению производства. Развитие от замкнутого домашнего хозяйства для собственных потребностей к городскому хозяйству, от городского хозяйства к народному и, наконец, от народного хозяйства к мировому капиталистическому хозяйству свидетельствует о том, как развитие общих хозяйственных методов и техники все более, до мельчайших деталей подчиняет своему влиянию методы отдельных хозяйствующих субъектов, которые из независимых «субъектов» все более превращаются в членов общего хозяйственного процесса. Эволюция заключается, следовательно, не только в включении все более широких кругов в общий хозяйственный кругооборот, но также в том, что отдельная личность становится все более зависимой в своем хозяйстве от народного хозяйства в его целом. Последним звеном этой эволюции к общественному производству является замена капиталистического хозяйства социалистическим. С устранением частной собственности на средства производства отпадут все препятствия к вполне сознательному общественному производству и распределению.

И при капитализме мы имеем известное объединение трудящихся, как и при социализме, а именно на почве разделения труда; однако, чтобы осознать этот факт, несмотря на его затемнение частной собственностью на средства производства, они должны совершить путь в Каноссу—на рынок [1]). Как происхо-

[1]) Здесь очевидный ляпсус автора. Трудящиеся выносят при капитализме на рынок только свою рабочую силу, но никак не продукты труда. Автор говорит о трудящихся, но подразумевает предпринимателей.

Прим. ред.

дит на этом рынке обмен продуктов труда? Самым естественным казалось бы обменивать их пропорционально количеству израсходованного на их производство общественно необходимого рабочего времени. Однако при капитализме невозможно использовать в качестве масштаба для обмена рабочие часы с их ясностью, с их правдивым разоблачением всех тайн производства. Это был бы слишком откровенный язык для капиталистического рынка. Как мог бы происходить на рынке пресловутый капиталистический торг и игра спроса и предложения, если бы товары появлялись на рынке не завуалированными в виде денежных ценностей, а просто как полезности с определенными издержками на их производство! Товарное хозяйство характеризуется тем, что товары обмениваются не непосредственно, как продукты труда, а на третий товар — золото. На капиталистическом рынке товары обмениваются лишь на товары; это показал Маркс, который дал очень подробную теорию денег [1]); к сожалению, ею мало пользуются. Маркс спрашивает в одном из примечаний в первом томе «Капитала»: «...Почему деньги не представляют собой непосредственного рабочего времени, например, одна банкнота два рабочих часа?» По Марксу, «это сводится к вопросу, почему при товарном производстве продукты труда должны представляться в виде товаров, ибо в представление товара включено раздвоение его на товар и денежный товар. Или почему частный труд не может быть рассматриваем как непосредственно общественный труд, как его противоположность?» Маркс отсылает здесь к своему опровержению проекта рабочих денег в капиталистическом хозяйстве, а именно к своей критике проекта Джона Грея от 1831 г. Она помещена в его книге: «К критике политической экономии». Мы приводим ее дословно в виду важности ее для разрешения другого вопроса, который нам придется сейчас поставить [2]).

«Учение о рабочем времени, как непосредственной единице денежной меры, впервые систематически было развито Джоном

---

[1]) См. «К критике политической экономии» и «Капитал», I том.

[2]) К. Маркс, К критике политической экономии (стр. 91—94 русского изд.).

Греем. Он предлагает национальному центральному банку при посредстве филиальных банков определить количество рабочего времени, употребляемого на производство различных товаров. Взамен товара производитель получает официальное свидетельство его ценности, т.-е. расписку, свидетельствующую о том количестве рабочего времени, которое истрачено на производство его товара, и эти банковые билеты в 1 неделю, 1 день, 1 час труда и т. д. служат вместе с тем ассигновками на эквивалент, выраженный в каком-нибудь из товаров, сложенных в банковских складах. Это—основное положение Грея, которое он тщательно развивает в деталях и везде приспособляет к существующим английским учреждениям. «При этой системе,—говорит Грей,—было бы так же легко во всякое время продавать на деньги, как легко купить на них. Производство было бы равномерным и никогда не иссякающим источником спроса. Благородные металлы утратили бы свою «привилегию» сравнительно с другими товарами и заняли бы соответствующее им место на рынке, рядом с яйцами, с маслом, сукном и ситцем, и ценность их не интересовала бы нас больше, чем ценность алмазов». Итак, должны ли мы сохранить наше воображаемое мерило ценности, золото, и таким образом сковать производственные силы страны, или же мы должны возвратиться к натуральному мерилу ценности, труду, чтобы освободить эти силы?»

«Если рабочее время есть имманентное мерило ценности, почему же рядом с ним существует еще другое, внешнее мерило? Почему меновая ценность развивается в цену? Почему все товары выражают свою меновую ценность в одном выделенном товаре, который, таким образом, становится специфической формой меновой ценности, т.-е. деньгами? Вот вопросы, которые Грей должен был разрешить. Вместо разрешения их, он вообразил себе, что товары могли бы непосредственно относиться друг к другу как продукты общественного труда. Они могут, однако, относиться друг к другу только в качестве того, что они составляют в действительности. Товары являются непосредственным продуктом труда отдельных независимых частных лиц, который, только посредством отчуждений их в процессе обмена, должен выступить как всеобщий общественный

труд; труд, совершаемый на основе товарного производства, становится трудом общественным только вследствие всестороннего отчуждения индивидуальных работ. Если, однако, Грей принимает рабочее время, заключенное в товарах, за непосредственно общественное, то он принимает его за общественное рабочее время или за рабочее время непосредственно ассоциированных лиц. Тогда, действительно, один специфический товар, например золото или серебро, не мог бы выступить относительно других товаров, как воплощение всеобщего труда; меновая ценность не становилась бы ценой, но, вместе с тем, потребительная ценность не становилась бы меновой ценностью, продукт не становился бы товаром,—и таким образом было бы уничтожено самое основание буржуазного производства. Этого, однако, совсем не имеет в виду Грей. По его мнению, продукты должны производиться как товары, но не должны обмениваться как товары. Грей поручает исполнение этого pium desiderium Национальному Банку. С одной стороны, общество в виде банка делает индивидуальных производителей независимыми от условий обмена, с другой — заставляет их впредь производить на основах менового оборота. Внутренняя последовательность побуждает Грея отбрасывать одно за другим условия буржуазного производства, хотя он хочет «реформировать» только возникшие из обмена товаров деньги. Так, он превращает капитал в национальный капитал, частную земельную собственность в национальную, и если мы внимательно рассмотрим роль его банка, то найдем, что он не только одной рукой принимает товары, а другой выдает свидетельства на употребленный труд, но сам регулирует производство».

...«Догмат, что товар непосредственно является деньгами или что заключенный в нем особый труд частного лица непосредственно представляет общественный труд, конечно, не сделается истиной потому, что банк верит в него и сообразно с ним поступает. Скорей банкротство в этом случае приняло бы на себя роль практической критики. То, что у Грея было скрыто и ему самому неизвестно, а именно, что рабочие деньги — экономически звучащая фраза для благого желания,

уничтожить деньги, вместе с ними меновую ценность, с меновою ценностью—товар, а с товаром—буржуазную форму производства,—прямо высказывается несколькими английскими социалистами, которые писали частью раньше, частью позже Грея. Однако на долю г. Прудона и его школы выпало проповедывать низвержение денег и превознесение товара, как сущность социализма, и, таким образом, представить социализм как элементарное непонимание необходимой связи между товаром и деньгами».

Центром тяжести у Маркса является невозможность для общества установить рабочее время, как непосредственную единицу денежной меры и в то же время сохранить частно-капиталистическое производство с его системой обмена; непосредственный обмен товара, как продукт труда, противоречит всем предпосылкам частно-капиталистического производства.

Однако,—это наша вторая проблема—если в капиталистическом производстве не возможно обменивать товары непосредственно, как продукты труда, так как еще имеются многие тенденции, противоречащие общественному производству, то не возможна ли система рабочих денег при устранении этих тенденций и при полном обобществлении производства? [1]) Это второй важнейший вопрос, на который нам придется ответить. Общественные тенденции, имеющиеся уже в капиталистическом производстве, естественно, сохранятся и в социализме. Во-первых, сохранится зависимость производителей друг от друга, так как и социалистическое производство будет организовано на основах разделения труда. Однако в социалистическом обществе эта зависимость будет иметь гораздо большее значение, она внедрится в общественное сознание и не будет нуждаться в окольном пути рынка, будет проявляться непосредственно. С уничтожением товарообмена исчезнет также наиболее важная функция денег, с товарным производством отпадает и товарный характер денег.

---

[1]) Так как (наше) изложение не подвинулось еще столь далеко, чтоб можно было без опасности недоразумений называть правильными именами экономические процессы в социалистическом строе, мы должны пока оперировать с понятиями «обмен» и т. п.

Не исчезает необходимость хозяйственного учета и контроля над тем, потребляет ли общество больше того, что оно производит; остается оборот благ, перемещение их с места на место,—например, перенесение сырья и полуфабрикатов в другие производства для дальнейшей переработки, из чего возникает необходимость известного учета. Это не обмен в капиталистическом смысле этого слова. Поэтому Гильфердинг прав, когда говорит в своем «Финансовом капитале»: «При товарном производстве в основе обмена лежит объективно-общественный момент: общественно необходимое рабочее время, воплощенное в обмениваемых предметах. В коммунистическом обществе в основе обмена лежит субъективное выравнивание, равноправная воля; обмен здесь является лишь случайным и не может служить объектом для теоретического изучения. Он не может быть теоретически анализирован, а лишь психологически понимаем, но так как обмен всегда представляется как количественное соотношение двух предметов, разницы никто не замечает» (стр. 306 нем. изд.). Гильфердинг цитирует при этом также свою статью «К постановке проблем теоретической экономии у Карла Маркса». (Neue Zeit, 1904/5, S. 106).

«В самом деле, обмен ручки на марку на школьной скамье, обмен верховой лошади на автомобиль между двумя членами социалистического общества являются совершенно частными актами, совершенно безразличными для теоретической экономии». Поскольку здесь имеется в виду обмен, обусловленный частной собственностью на средства производства, с Гильфердингом можно вполне согласиться; но он, конечно заблуждается, если полагает, что всякий переход и перемещение благ должны быть уподоблены обмену ручки на марку на школьной скамье. Может быть, в социалистическом обществе не имеют экономического значения переходы благ (чтобы не употребить слова «обмен»), пригодных для непосредственного употребления (например, билет в театр за два каравая хлеба). Такого рода акты натурального переноса понадобятся лишь в самых редких случаях, раз будет в достаточной мере обеспечено всеобщее покрытие потребностей; только при «казарменном социализме», когда каждому члену выдается определенный паек натурой, можно предполо-

жить, что кто-нибудь обменивает часть своего хлеба на театральные билеты другого, налегающего более на свой аппетит, но при несколько более свободной организации социалистического хозяйства такого рода необходимость будет встречаться крайне редко и будет, действительно, экономически совершенно безразличной, как правильно говорит Гильфердинг. Но это, как сказано, лишь единичные и не важные переносы благ. Трудность возникает тогда, когда в социалистическом хозяйстве шахта поставляет уголь, железоделательный завод—железо, электрическая станция—ток, фабрика машин — машины, химический завод — машинное масло и т. д. другой фабрике, которая при помощи этого материала производит, например, легкие инструментальные машины. Конечно, в этих процессах нельзя видеть обмен, но тем не менее они экономически не безразличны, прежде всего для хозяйственного учета, как в производствах, «поставляющих» эти блага, так и в тех, которые их перерабатывают; кроме того, они несомненно представляют также некоторый интерес для теории, и в частности для теории ценности и для вопроса о переносе благ. Здесь встает перед нами существенная проблема хозяйственного учета; ибо если рассматривать перенос благ, как игру, подобно обмену ручки на марку на школьной скамье, то учесть его, очевидно, не возможно; например, для нашей фабрики инструментальных машин нельзя будет точно установить издержки на вещественные факторы ее производства и сложить их с издержками на труд, которые тоже должны быть определенно вычислены. А в таком случае исчезает самая возможность рационального хозяйствования, вместе с формальной учетной рациональностью исчезает и материальная рациональность, и оказывается невозможным проводить принципы социального распределения, так как без учета хозяйство вскоре перестанет производить достаточное количество благ. Поэтому из того, что в социалистическом хозяйстве не будет обмена, не следует заключать, что в нем не будет также хозяйственного учета, что ему не понадобится измерителя для охвата издержек производства.

С другой стороны, не следует считать, что социалистическое хозяйство не может обойтись без капиталистических денег. В эту ошибку впал даже Каутский в его последней книге

«Социальная революция и ее программа» (стр. 306, нем. изд.). Мы согласны с ним, что «для превращения денег в капитал... в завершенном социалистическом обществе отсутствуют все предпосылки; однако этим еще не исчерпываются все функции денег... как мерило ценности и орудие обращения, деньги должны будут существовать и в социалистическом обществе, по крайней мере, до тех пор, пока мы не вступим в благословенный второй фазис коммунизма». Будет ли орудие обращения в социалистическом обществе заслуживать название «деньги» в обычном политико-экономическом смысле,—этот вопрос мы пока оставим открытым. Но можно считать фактом, что в социалистическом обществе не будет непосредственного переноса хозяйственных благ, например, одна тяжелая за две легкие инструментальные машины или одна турбина за тысячу гекто-уатт электрической энергии. Что стала бы делать вполне оборудованная фабрика инструментальных машин с этими новыми машинами или фабрика турбин с электрическим током, быть может, отдаленным от нее на несколько сот километров? Очевидно, пришлось бы создать роль вторичного рынка для этих новых благ [1]). В капиталистическом обществе деньги создают возможность гладкого и совершающегося без трений обращения (Verkehr); в социалистическом обществе их должен заменить тоже род денег. В своей книге Каутский исследует возможность рабочих денег, как мерила ценности, построенного на общественно необходимом рабочем времени. Мы коснемся этого, когда изложим нашу собственную попытку разрешения этой проблемы; здесь лишь укажем, что Каутский видит в рабочих деньгах лишь одну из многих возможностей социалистического строя, но отвергает эти «деньги» в виду тех технических затруднений, которые он считает при них неизбежными. «Что не мог бы выполнить даже самый грандиозный и совершенный статистический аппарат — оценку товаров по содержащемуся в них труду, мы находим в ценах, установившихся в результате длительного исторического про-

[1]) Над этими чрезвычайно трудными и важными вопросами проповедники режима натурального хозяйства, с Отто Нейратом во главе, не задумываются ни на минуту.

цесса». «Если при социалистическом производстве сохраняются деньги и цены, причем цены устанавливаются в связи со старыми ценами, то придется искать зацепку в исторически сложившихся деньгах и сохранить золото в качестве денежного товара».

Каутский упускает здесь из виду происхождение капиталистических цен, их вечное колебание и постоянную необходимость проверки их на почве себестоимости. Даже если исходить из преувеличенной роли спроса и предложения при образовании цен, все же не приходится полагать, что к началу социалистического строя исторически сложившиеся цены останутся неизменными, окончательно выравняются и установятся к этому моменту и будут после ликвидации капиталистического строя в силе в течение неограниченного времени без всяких переучетов и поверки издержек производства, словно народное хозяйство останется в состоянии полной неизменности. А если проверка издержек производства безусловно необходима, даже при денежном учете в современном смысле, то не ясно, какую экономию это дает против системы рабочих денег. Каутский говорит, что золото сохранится как денежный товар, что это, по меньшей мере, мыслимо; однако говорить о сохранении какого-либо товара, и в особенности денежного товара после ликвидации капиталистического товарного производства — совершеннейший абсурд. Надо остерегаться этой ошибки неосмотрительного перенесения в социализм капиталистических денег с их товарным характером [1]).

Таким образом, проблема все более конкретизируется и сводится к следующей краткой формуле: с отпадением товарного характера хозяйственных благ и обмена, как основного фактора народного хозяйства, с отпадением основной функции капиталистических денег, встает вопрос, что̀ будет принято в качестве

---

[1]) Следует пожалеть, что Каутский не развил свою теорию денег подробнее. Но те отрывки, которые мы находим у него в цитированном месте, нельзя оставить без возражения. Он, повидимому, заразился идеями «Государственной теории денег» Кнаппа и полагает, что государство может придать бумажке характер золота-товара или, по крайней мере, его полноценного заместителя. Это невозможно ни в капиталистическом, ни в социалистическом обществе.

мерила ценности и орудия обращения в новом обществе, которое будет нуждаться в хозяйственном учете (для установления издержек производства) чуть ли не в большей степени, чем капитализм, так как в нем отпадает и слабый костыль рыночных цен. Без точного учета это новое общество станет жертвой экономической анархии. Итак, что будет этим масштабом в сознательной производственной общине трудящихся? Возвратимся к Марксовой критике Джона Грея. С введением рабочих денег и определением издержек производства организованным общественным путем, говорит Маркс, Грей должен жертвовать одной за другой капиталистическими предпосылками производства. Что же остается? Идея социалистического общества, которое, конечно, не может быть создано одним лишь изменением системы денег; против этого и возражает прежде всего Маркс, полемизируя против непродуманных построений Грея. Но если принятие системы рабочих денег связать со всеми прочими предпосылками социалистического хозяйства [1]), то ясно, на каких основаниях должно быть построено обращение в социалистическом хозяйстве. Уже при капитализме, в основе обмена лежит рабочее время, как tertium comparationis. Как этот закон искажается рынком, мы уже видели. Но в социалистическом хозяйстве все эти препятствия отпадают.

Сам Маркс, насколько нам известно, говорит только в двух местах и бегло о том, как он представлял себе возможность учета в социалистическом обществе. Во втором томе «Капитала» [2]) он говорит при рассмотрении оборота капитала: «Если мы представим себе не капиталистическое общество, а коммунистическое, то прежде всего совершенно отпадает денежный капитал... Дело сводится просто к тому, что общество должно наперед рассчитать, сколько труда, средств производств и средств существования оно может без всякого ущерба для себя тратить на такие отрасли производства, которые, как, например, постройка железных

---

[1]) У автора изложение здесь не ясно. Дословный перевод: «Если однако принятие системы рабочих денег неизбежно заставляет заключить о всех прочих предпосылках социалистического хозяйства». Прим. ред.

[2]) Стр. 331—332 (русск. изд.).

дорог, долгое время, года или более, не доставляют ни средств производства, ни средств существования и вообще не дают какого-либо полезного эффекта, но конечно отнимают от всего годового производства и труд и средства производства и средства существования. Напротив, в капиталистическом обществе, где общественное понимание всегда заявляет о себе лишь post festum, могут и должны постоянно возникать крупные нарушения».

И еще гораздо яснее, несколько позже, при обсуждении оборота денежного капитала (стр. 331):

«На основе общественного производства приходится определять масштаб, в котором могут производиться такие операции, которые на долгое время отвлекают рабочую силу и средства производства, не доставляя за это время никакого продукта в виде полезного эффекта; приходится определять, в каком масштабе могут производиться эти операции, не причиняя вреда таким отраслям производства, которые постоянно или несколько раз в год не только отвлекают рабочую силу и средства производства, но и доставляют средства существования и средства производства. При общественном производстве, так же, как и при капиталистическом производстве, рабочие, занятые в отраслях предприятий с относительно короткими рабочими периодами, будут лишь на короткое время отвлекать продукты, не давая взамен нового продукта; что касается отраслей труда с длинными рабочими периодами, то они более долгое время непрерывно отвлекают продукты, прежде чем сами начнут давать продукты. Следовательно, это обстоятельство вытекает из материальных условий соответствующего процесса труда, а не из его общественной формы. При общественном производстве денежный капитал отпадает, общество распределяет рабочую силу и средства производства между различными отраслями труда. Производители могут, пожалуй, получать бумажные удостоверения, по которым они извлекают из общественных потребительских запасов то количество продуктов, которое соответствует их рабочему времени. Эти удостоверения отнюдь не деньги. Они не совершают обращения».

Маркс рассматривает здесь проблему в ее целом, в связи с прочим исследованием процесса обращения, продолжительно-

сти периодов оборота и различий продолжительности этих периодов; это понятно при тогдашнем состоянии капиталистического развития, когда крупная промышленность с ее более длительными периодами оборота ясно отличалась от ремесленного производства с его более краткими периодами производства и обращения. Дальнейшее развитие капитализма уничтожило важность этого различия и в сущности даже самое это различие, так как сложная техника и разные окольные пути производства подравняли в общем периоды оборота в большинстве отраслей производства. Тем важнее то, что вскользь сказано Марксом по вопросу о хозяйственном учете в социалистическом обществе. Чеки на рабочую силу и средства производства имеют форму чеков на предметы потребления (сообразно с рабочим временем). Итак, и Маркс считает этот измеритель единственно возможным для социалистического хозяйства. Мы полагаем, что при выведении системы рабочих денег из марксистской теории мы можем прямо сослаться на тенденцию «Капитала».

Маркс не признает эти бумажные чеки за деньги, так как они не циркулируют. Конечно, если связывать понятие денег с обращением товаров и системой обмена, то «рабочие деньги» не могут быть деньгами в капиталистическом смысле. Они ведь не являются товаром, как золотые деньги, и не имеют самостоятельного существования. «Трудовые свидетельства» не являются существенным признаком хозяйства ни для производства, ни для распределения. Общество охотнее всего само распределяло бы изготовленные блага между своими членами пропорционально их труду; но так как это технически совершенно невозможно, и такое натуральное распределение повлекло бы за собой полнейший хаос, то члены общества получают за свой труд не сами блага, а свидетельства на эти блага, притом не на определенное количество определенных категорий благ; они сами могут выбирать их по своему усмотрению как в смысле количества, так и в смысле качества. Итак, эти трудовые свидетельства не имеют ничего общего с функциями, выполняемыми при обмене капиталистическими деньгами, они являются свидетельствами на блага, которые отпускаются членам общества,

пропорционально вложенному ими труду. Общество выдает каждому своему члену блага в натуре, по возможности непосредственно, а при помощи трудовых свидетельств регулирует количество и качество выдаваемых благ, в соответствии с вложенным трудом. Тем не менее мы считаем целесообразным сохранить название «рабочих денег», потому, что эти «деньги», хотя и не обладают функциями денежного товара, сохраняют другие функции капиталистических денег, как, например, функцию средства учета и подведения всех благ к общему знаменателю.

Рынок, характер товара и все прочие причины, которые делают невозможным непосредственное измерение товаров рабочим временем, отпадают с исчезновением частной собственности на средства производства. В планомерном социалистическом производстве учет ведется по трудовому времени. Впрочем, мы подошли здесь лишь к началу нашего исследования, так как только теперь мы можем приступить собственно к изложению учета в социалистическом строе.

УЧЕТ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Процесс концентрации капитала вызывает у Гильфердинга грандиозное видение всеобщего картеля. «Здесь все капиталистическое производство сознательно регулировалось бы из одной инстанции, которая определяет размер производства во всех его сферах. Тогда установление цен становится чисто номинальным и фактически равносильно уже просто распределению всего продукта, с одной стороны между картельными магнатами, а с другой стороны между другими членами общества. Цена является тогда не результатом вещных отношений, которые устанавливаются между людьми, а просто своего рода расчетным вспомогательным приемом при передаче вещей от одних лиц к другим. Деньги не играют никакой роли. Они могут совершенно исчезнуть, потому что дело сводится ведь к передаче вещей, а не к передаче стоимостей. Вместе с анархией производства исчезает вещная видимость, исчезает товар в качестве овеществленной стоимости, исчезают, следовательно, деньги. Картель распределяет продукт, материальные элементы производства воспроизводятся и входят в новый процесс производства. Из нового продукта известная часть достается рабочему классу и интеллигентам, другая остается у картеля, и он может употреблять ее на что угодно. Это — сознательно регулируемое общество в антагонистической форме. Но этот антагонизм есть антагонизм распределения. Самое распределение здесь сознательно урегулировано, и потому необходимость денег миновала. Финансовый капитал в своем завершении оказался оторванным от той питательной почвы, на которой он возник. Обращение

денег перестало быть необходимым, неустанный кругооборот денег нашел свой конец в урегулированном обществе, и perpetuum mobile обращения достигло покоя» («Финансовый капитал» стр. 276).

Такой генеральный картель практически никогда не может быть осуществим в полном виде, а только в тенденции и с приближением. Но он может служить основой для исследования вопроса о хозяйственном учете в социалистическом обществе, так как генеральный картель может превратиться в социалистический строй, путем одной замены его верхушки [1]). Конкуренция уничтожена, руководство производством, а также распределение рабочей силы и средств производства между отдельными фабриками картеля происходит планомерно, из одного центра, центрального бюро картеля. Хозяйственный план такого генерального картеля не может заключаться только в установлении общего размера производства,—поборники «планового хозяйства» представляют себе под хозяйственным планом чуть ли не только это,—он устанавливает также, где и как должно происходить производство и т. д. В генеральном картеле имеются многие фабрики, производящие однородные товары. Это объясняется уже самой историей возникновения генерального картеля, так как многие предприятия с одинаковой производственной программой (а также достаточно большой спрос на их продукты) существовали уже прежде, чем генеральный картель поглотил их. Все эти предприятия вошли в его сферу, и теперь начинается неантагонистическая форма конкуренции внутри картеля. Магнаты картеля или—в социалистическом строе—руководители народного хозяйства не позволят отдельным фабрикам с одинаковой программой работать по различным методам и с различными издержками. Для слабых предпринимателей часто именно это и является при капитализме мотивом дать «проглотить» себя гигантскому концерну; они надеются, что тогда

[1]) Типичная аргументация меньшевизма. Таким идиллическим путем переход к социализму не произойдет даже в области чистой экономики. Между прочим, чрезвычайная концентрация капитала в послевоенной Германии в руках Стиннесов и пр. означала даже, напротив, усиление класса капиталистов. Прим. ред.

в «их» предприятиях будет самая целесообразная организация, принятая и в картеле, наилучшие методы производства, наиболее способные служащие, привлеченные для поднятия продуктивности предприятия. Однако для этого необходимо учесть результаты всех предприятий в отдельности (безразлично: в капиталистическом или социалистическом хозяйстве), словно каждое предприятие руководится совершенно независимым предпринимателем. Поэтому внутри картеля проводится чрезвычайно строгий учет. Только профаны могут полагать, что в картеле товары могут передвигаться без дальнейшего учета, другими словами, что отдельные предприятия концерна не знают отлично разницу между «моим и твоим». Старая ошибка сторонников натурального хозяйства: они в лучшем случае думают лишь об операциях с вполне готовыми для потребления благами; такие блага, конечно, могут быть во всякое время выданы натурой, но это совершенно невозможно для благ высшего порядка, которые входят в процесс производства, а также в дальнейшие обрабатывающие производства. Представление, будто дело идет лишь о готовых для потребления благах, встречается также у Гильфердинга в его описании генерального картеля. Иначе, как объяснить его слова: «Деньги тогда не играют никакой роли. Они могут совершенно исчезнуть, так как дело идет о снабжении вещами, а не ценностями». Представление о «снабжении вещами» взято из операций с благами первого порядка. Конечно, дело не идет о меновой ценности. В социалистическом обществе нет необходимости конструировать ценность товара для обмена. Но как производить учет внутри генерального картеля? Ведь нельзя же составлять баланс различных отраслей картеля, в тысячах разнообразнейших материалов, поступающих в разных количествах и качествах на фабрику, начиная от гигантских болванок железа до мельчайших гаек, от тысяч тонн угля до капли смазочного масла и последнего килограмма тряпья, нельзя сопоставлять эти материалы с количеством готовых машин и полуготового и испорченного материала, остающихся на фабрике к концу операционного периода. Как произвести производственный баланс, например, в химической фабрике, доставляющей смазочное масло на целый ряд фабрик ма-

шин? Пусть плановое хозяйство идет так далеко, что из центра или из какой-либо подчиненной инстанции декретируются цены или какие-либо возмещения для поставщика и приемщика, согласимся с этим; но запись в книги, не может, конечно, последовать на неясном, немом и непрозрачном языке натурального учета. Конечно, «цена в таком случае будет представлять не результат вещного отношения вещей, в которое вошли люди» (в том смысле, что частные производители должны конституировать меновые ценности, считаться с другими производителями и потребителями). Однако отношения между производствами, расположенными в различных местах, будут существовать до тех пор, пока существует разделение труда, а это последнее с прогрессом техники будет лишь углубляться. Грубо натуралистическое понимание социалистического хозяйства является ошибкой, от которой необходимо всячески оберегаться.

Генеральный картель сознательно регулирует распределение. Но эта сознательность имеет различные степени и различные формы. Нам представляется единственно возможным следующий метод сознательного регулирования производства в Бюро генерального картеля. В сводном балансе определяется, какая часть из имеющегося излишка [1]) может быть отчислена в запас, т.-е. на покрытие расходов в убыточные годы, какая может быть обращена в фонд для расширения производства и изыскания и испробования улучшенных методов, какая в благотворительный фонд, т.-е. для проведения социальных принципов распределения. В этом смысле можно говорить о хозяйственном плане. Руководство генеральным картелем или единой социалистической фабрикой централизовано в том смысле, что балансы

---

[1]) Баланс генерального картеля — а также социалистическое хозяйство — оперируют теми же рубриками, как и нормальный баланс капиталистического предприятия, с той лишь разницей, что счет прибылей и убытков имеет здесь совсем другое значение, чем в капиталистическом хозяйстве. Ниже мы еще вернемся к этой эволюции понятий «прибыль» и «убыток» в социалистическом хозяйстве. А впрочем, и профсоюз (если так поставлена его бухгалтерия) тоже оперирует теми же рубриками, что и капиталистическое предприятие, хотя прибыль и убыток профсоюза или партии тоже не имеют ничего общего с обычным понятием прибыли и убытка.

отдельных фабрик включаются в сводный баланс картеля, производственные излишки отдельных фабрик не остаются за ними, а могут быть использованы только всем картелем [1]). В балансе генерального картеля (в единой социалистической фабрике это не что иное, как хозяйственный план) смета распределения излишков (на предмет расширения производства) производится по отдельным главным отраслям производства. Например, известную сумму получает гильдия металло-обрабатывающих производств, она уже производит дальнейшее распределение этой суммы среди своих фабрик. Только так можно благополучно комбинировать в единой социалистической фабрике централизм и федерализм.

Развернуть читателю точную и детальную картину социалистического строя, подобно тому как это делали утописты, конечно, не может быть задачей нашей работы; в ней речь идет только о проблеме учета. Мы дадим лишь общие контуры [2]). Социалистическое хозяйство будет по существу принадлежать к типу гильдейского социализма [3]). Весь производственный про-

---

[1]) Мы еще вернемся к вопросу об употреблении операционных излишков отдельных фабрик. По книгам весь излишек должен быть записан на общий счет гильдии, т. е. объединения той производительной группы, к которой принадлежит данная фабрика. Гильдия, в свою очередь, проводит его по счету прибылей и убытков и списывает сальдо этого счета на конто всего целого. Таким образом, возникает конто (счет) прибылей и убылей в центральном счетоводстве генерального картеля.

[2]) В нашем исследовании об учете в социалистическом обществе мы исходим из гильдейской организации, потому что видим в ней исторический синтез между антитезами централизма и в сильной степени зараженной синдикализмом федералистской, гильдейской программы. Впрочем, мы предполагаем за конгрессом гильдий и назначенным им управлением больше прав, чем это делают английские гильдейские социалисты, как Коль и др. Мы думаем, что история пойдет по этому пути. От английских гильдейских программ наша система отличается не только усилением влияния центра на гильдии и отдельные производственные единицы, но также тем, что в управлении фабриками будут участвовать представители всего общества и потребителей, а не только производителей. (Об организации этих единиц срв. Отто Бауера, Путь к социализму).

[3]) Это утверждение характерно для автора, как меньшевика. Его оговорка, что гильдейская организация «исторический синтез» между анти-

цесс будет организован по производственным союзам, гильдиям. Последние обнимают все фабрики с одинаковой производственной программой и направлением: отдельные фабрики находятся под техническим руководством центральных бюро производственных союзов. Эти бюро вводят на всех однородных предприятиях одинаковые производственные методы и снабжают «заказами» отдельные фабрики гильдии. Приблизительный размер потребности всего общества в предметах, производимых гильдией, может быть без труда установлен. Затруднения представит лишь статистический учет производительности отдельных фабрик; поэтому при общественном производстве распределение «заказов» между отдельными фабриками требует широкой статистической подготовки. Организация по производственным союзам много лучше, чем централизованное хозяйство, обеспечивает возможность такого учета производительности отдельных фабрик, так как внутри гильдии можно рассчитывать на известные знания своей специальности, приобретенные отчасти уже в период капитализма. Наша гильдейско-социалистическая организация хозяйства предполагает, однако, значительно большее влияние центрального управления (конгресс гильдий) на гильдии и на отдельные фабрики. Невозможно сразу ввести строго централизованное хозяйство, можно лишь постепенно усиливать влияние целого. Централизованое плановое хозяйство находится не в начале, а в конце развития. Итак, в основе нашего метода хозяйственного учета лежит тип гильдейско-социалистической организации хозяйства, в которой, однако, органы целого имеют больше влияния на гильдии и отдельные фабрики.

Как будет выглядеть такой сводный баланс общественного хозяйства? До сих пор мы коснулись лишь нескольких деталей. Выражать ли операционный остаток в «натуре»? Можно ли установить резервный фонд в яйцах, машинах, дамских шляпах и т. д.? Можно ли вносить в фонд на расширение металлической

тезами централизма и в сильной степени зараженной синдикализмом федаралистской гильдейской программы, эта оговорка типичнейший эклектизм, сидение между двух стульев. Гильдейский социализм остается именно программой синдикалистской и не может быть совмещен с социалистическим хозяйством, как единым плановым целым. Прим. ред.

промышленности хлопок, который оказывается в операционном остатке? Сторонники натурального хозяйства сами улыбнутся над своими предложениями. Как толковать перед лицом этих неопровержимых фактов не совсем ясные слова Гильфердинга: «Циркуляция денег стала ненужной, эволюция денежного обращения достигла своей цели»? Несомненно, очень многие, даже бо́льшая часть специфических свойств денег отомрет с уничтожением товарного производства. Однако необходимость расчетов между отдельными фабриками не исчезает. Изолированность частно-капиталистических производителей, свойственная товарному производству, тоже не исчезнет окончательно с заменой этих производителей всем обществом.

Образ генерального картеля с его единой централизованной волей, единым центральным управлением и учетом прекрасно подходит для непосредственной предварительной ступени к социалистическому учету. Варьируя слова Клаузевица, что «война является продолжением политики мирного времени, но только с другими средствами», можно cum grano salis сказать: социалистический учет является в сущности продолжением капиталистических методов учета, но только с иными целями. Быть может, это же можно сказать и об отдельных частях хозяйства. Высота техники, разделение труда, массовое производство и рациональность останутся и лишь в новом строе получат полное развитие. Несмотря на все перемены, вытекающие из отпадения частной собственности на средства производства, общественное производство должно будет создать также систему денег, рабочие деньги.

По своему внешнему виду учет будет сходен с капиталистическим. В частности, учет себестоимости по возможности даже должен будет превзойти точность капиталистической последующей калькуляции. Возьмем пока самый простой случай, что какая-либо фабрика получает сырье, электрический ток или другую энергию, что за это ей выставляют соответствующие счета и что цифры последних выражены в рабочих часах. Эти суммы наперед принадлежат к производственным издержкам нашей фабрики. Износ машин списывается с их ценности, точно так же износ строений и инструментов; эти суммы равным образом исчисляются в рабочих часах. Смета этих сумм

составляется на целый год, так как срок службы машин, зданий и оборудования исчисляется годами, и ежегодно списываемая цифра будет частью их ценности. Эти суммы сопоставляются с общей суммой годового производства, которые также определяются в рабочих часах. В результате эти и другие расходы фабрики дают нам процент тех издержек, которые не могут быть целиком сложены на единичные фабрикаты, но так или иначе должны быть распределены между ними. Рабочие будут вероятно работать сдельно. По возможности будут применяться современные принципы тайлоризма — конечно, с целью сохранения рабочей силы; выжимание последних сил рабочего, разумеется, не будет иметь места. Предположим, что нормальный рабочий работает 48 часов в неделю; в таком случае его вознаграждение будет составлять 48 нормальных часов. Как правило, за каждый фактически проработанный час рабочий будет получать соответствующее, заверенное государством, «свидетельство рабочих часов», за которое он может купить любой продукт со штемпелем цены: «один рабочий час». В том, за какое фактическое рабочее время уплачивается такое одночасовое свидетельство, будет выражаться дифференциация между трудом различной производительности. Труд, требующий более высокой квалификации, будет, например, вознаграждаться за один час двумя часовыми свидетельствами и, так сказать, если можно при абстрактных понятиях оперировать цифрами, представлять вдвое бóльшую сумму труда, чем средний общественный труд. Количество фактически выданных рабочим свидетельств ляжет в основу исчисления издержек производства. При неантагонистической форме конкуренции легко уравнять ставки заработной платы для каждой отдельной рабочей операции на фабриках с одинаковой производственной программой, так что в каждой отрасли производства будет уплачиваться общественная заработная плата сообразно с общественно необходимым рабочим временем. Так будет решена проблема заработной платы у рабочих одной и той же отрасли. Остается открытым вопрос о ставках заработной платы рабочих различных категорий. При капитализме на этот счет существует большая иррегулярность, в связи с переменой конъюнктуры в различных отраслях промышленности. В социалисти-

ческом хозяйстве отношение к норме будет неизменно. Конечно, и здесь возможны еще некоторые колебания. Однако слишком низкое по сравнению с другими отраслями вознаграждение рабочих какой-либо отрасли немедленно скажется на уменьшении покупательной способности, ибо относительно высокая заработная плата других отраслей немедленно отразится на их ценах. Вообще следует иметь в виду, что все хозяйство с системой трудовых денег будет гораздо более прозрачным, чем капиталистическое, и что какая-нибудь неправильность, или тем паче несправедливость в одном пункте этого хозяйства тотчас же ясно проявится в другом пункте.

Но есть также различная интенсивность труда. Различно квалифицированные рабочие силы требуют для своего воспроизводства различных расходов [1]). Излюбленным и, быть может, наиболее существенным возражением против марксовой трудовой теории ценности является то, что не существует никакой нормальной средней общественной рабочей силы и производительности труда для различных товаров, что, напротив, в последние входит рабочая сила самой различной квалификации. Каким же образом можно свести квалифицированную рабочую силу к неквалифицированной, как можно говорить о средней общественной рабочей силе? Этот аргумент против трудовых денег выставляет также Мизес. «Вторым недостатком трудового учета, говорит он, является то, что он не принимает во внимание различной квалификации труда. Для разрешения вопроса о трудовом учете надо знать, возможно ли привести к одному знаменателю, не прибегая к оценке продуктов труда хозяйствующими субъектами, разные виды труда. Доказательство, приводимое в пользу этого Марксом, не удалось». Как справедливо замечает Маркс в «Капитале», «каждодневный опыт показывает, что ежедневно происходит приведение квалифицированного труда к простому труду». О рабочих, исполняющих одни и те же работы, например о двух токарях, можно прямо сказать, что один из них работает вдвое больше или вдвое лучше другого.

---

[1]) Об этом см. Макса Адлера, Коммунизм у Маркса (Archiv für Geschichte des Sozialismus, 6 Jahrg., 2 Heft, 1915, стр. 245).

Можно также сравнивать между собой различные рабочие операции, например работу молотобойца с работой его подручного, и выяснять, насколько первая важнее или труднее работы простого истопника. Положение Маркса оправдывается каждым днем заводской жизни, каждочасным опытом заводского инженера, аккорданта, мастера. Мизес, однако, возражает далее: «То, что при меновом хозяйстве создалось в ставках заработной платы субституционное соотношение между простым и сложным трудом, на что Маркс здесь не делает намека (на что же он намекает в таком случае? Прим. автора)—тоже не доказывает еще этой однородности. Это уподобление представляет собой результат рыночного оборота, а не его предпосылку. Трудовой учет должен был бы установить для субституции квалифицированного труда простым трудом совершенно произвольные нормы, что исключает его применение в хозяйстве». Если бы Мизес хоть немного был знаком с действительным положением дел на капиталистической фабрике, он знал бы, что установление размеров заработной платы для рабочих различных специальностей или для различных рабочих по одной и той же специальности представляет одну из труднейших задач администрации, правильное разрешение которой столь же важно, как и техническое руководство процессом производства. Мизес, фетишист рынка, считает, что эти различные ставки заработной платы создаются рынком. Однако, если бы ему были известны переговоры о заработной плате,—не те переговоры, которые происходят между профессиональными союзами и союзами предпринимателей об общих принципах оплаты рабочих, минимальном заработке и т. д., а те, которые отдельный предприниматель или директор завода ведет с отдельными нанимаемыми ими рабочими различных квалификаций, он, Мизес, не ссылался бы на рынок. Ибо эти переговоры никоим образом не рыночный торг в обычном смысле. Положение рынка, та или иная цифра безработных не играют роли при установлении пропорций между заработной платой рабочих различной квалификации, в особенности между заработной платой рабочих различных специальностей, а также отдельных рабочих одной и той же специальности; следовательно, не играют роли также и спрос

и предложение в обычном рыночном смысле. Почему же это невозможно в социалистическом хозяйстве? Тем более что в последнем руководители фабрик будут осведомлены о заработной плате и издержках производства у «конкуренции» гораздо лучше, чем это имеет место в настоящее время. Нынешний директор фабрики лишь в общем знает, сколько платят рабочим его конкуренты; с развитием капитализма значение конкуренции настолько упало, что предпринимательские союзы обыкновенно ведут точную статистику средней заработной платы по специальностям и сообщают ее своим членам; это значительно облегчает трудную работу определения заработной платы; каждый предприниматель знает фактический средний размер заработной платы, это, с большей или меньшей поправкой на неискренность сообщений, идет в основу его калькуляции. Однако директор капиталистической фабрики знает, таким образом, в лучшем случае, лишь средний заработок рабочих разных специальностей и в соответствии с этим устанавливает заработную плату за исполняемые ими операции. Руководитель социалистической фабрики тоже будет знать средний уровень заработной платы и в соответствии с этим будет определять индивидуальную плату в рамках общих принципов, которые гораздо легче будет зафиксировать, чем при капитализме. Итак, в сущности тот же процесс, что в капиталистическом хозяйстве. Однако здесь это—высшее завершение логики «рынка», там—произвол и расточение хозяйства.

Итак, средний рабочий будет получать за свой 48-часовой труд недельное трудовое свидетельство; различие квалификаций найдет свое выражение в том, что особо квалифицированный рабочий будет, например, работать для получения недельного трудового свидетельства лишь 24 часа или даже только 16 часов, другие рабочие особо низкой квалификации, наоборот, получат то же недельное трудовое свидетельство лишь за работу в 50 или даже 60 часов. Однако, во всяком случае, необходимо будет установить известное число часов, так сказать прожиточный минимум; ни один рабочий не должен работать больше этой нормальной рабочей недели. На этот заработок каждый рабочий должен иметь возможность приобрести такое количество пред-

метов потребления, какое необходимо для жизни. Какие именно жизненные припасы входят в этот минимум, будет установлено физиологами. Этот способ распределения будет в известной степени прототипом всех прочих норм распределения. Как велик будет этот минимальный доход, зависит, конечно, от производительности всего хозяйства. Однако этот минимум нисколько не означает «казарменного социализма» с его пайками; напротив, даже получающие этот минимальный заработок имеют право расходовать его по своему усмотрению, если не пожелают нормального, научно-вычисленного рациона, обеспечивающего разумное питание.

Капиталистический метод учета различает расходы, непосредственно ложащиеся на предприятие, как, например, расходы на электрическую энергию, на материалы, смазочные масла и т. д., и так называемые административные издержки, например на центральный аппарат, дирекцию, представительство и т. д. В единой социалистической фабрике тоже будут известные административные расходы. То, что капиталистическое предприятие калькулирует как накладные расходы на торговлю, а именно издержки всего процесса оборота, представляется в социалистическом строе издержками на аппарат распределения: сюда относятся содержание служащих на распределительных складах, издержки на транспорт, упаковку и т. д. Эти издержки, конечно, войдут в цену товара. В единой социалистической фабрике будут также другие общие административные расходы, которые в капиталистическом строе покрываются налогами: расходы на содержание государственных чиновников, т.-е.—в социалистическом хозяйстве—тех, кто не заняты непосредственно в производстве или в распределительном аппарате, затем, издержки, связанные с осуществлением социальных принципов распределения. Эти общие издержки будут довольно высоки. Каждая фабрика должна будет включать в свой ежегодный общий баланс или, выражаясь социалистически, хозяйственный план известную ставку для этих общих административных расходов единой социалистической фабрики; таким путем разрешается проблема, которую Макс Вебер считает чуть ли не квадратурой круга для социалистического хозяйства, а именно соединение материальной

рациональности с формальной. Как трудно вычислить эти социальные издержки, если учитывать и в «натуре»! Засчитывать их в издержки производства отдельной фабрики? Это почти равносильно предписанию «бесплатных поставок», натурой, причем остается открытым вопрос, каким образом должны быть распределены эти продукты: масло, машины, электрическая энергия и т. п. Согласно нашей системе, учет будет осуществляться следующим образом. Число пенсионеров, т.-е. людей старше известного возраста, людей утративших трудоспособность, больных и т. д. точно устанавливается по принципам страховой математики; далее, число людей с «непроизводственными доходами». Для них устанавливают общую цифру трудовых свидетельств (рабочих часов), принимая во внимание прежний доход этих лиц, данные физиологии питания и т. д. Эта общая цифра составит определенный процент всего количества рабочих часов, проработанных в производстве и в распределительном аппарате. Этот процент и будет при исчислении издержек производства надбавляться к цифре заработной платы, так что в стоимость каждого товара войдут также общественные издержки. Конечно, было бы несправедливо и почти равносильно косвенному налогу, если бы на все продукты, независимо от того, являются ли они предметами первой необходимости или предметами роскоши, эта надбавка производилась в одинаковой мере. Поэтому установление упомянутых расходов для каждой отрасли промышленности или для каждого продукта будет принадлежать к наиболее важным задачам экономического парламента или высшего управления хозяйства. Это даст также возможность влиять из центра на политику цен и вообще возможность административно-хозяйственного воздействия на образование цен. Таким образом, наша система трудовых денег рационализирует также расходы на центральный аппарат общества, чего, как известно, не достигла даже самая высшая рациональность капитализма. Именно рост расходов на чрезмерно разбухший административный аппарат нынешних государств показывает, что здесь граница капиталистической рациональности. Эта проблема может быть разрешена лишь при социализме, а именно в указанном нами виде. Наш метод должен также

оказать воспитательное влияние на идеологию членов общества: приобретая тот или иной продукт, они будут помнить, что содействуют этим содержанию больных и неработоспособных; с другой стороны, применение этого метода является лучшим стимулом к уменьшению непроизводительных расходов. Это может дать нашей системе также преимущества перед самой системой налогов; трудности, возникающие для капиталистического хозяйства в связи с финансовым кризисом налогового государства, могут быть устранены лишь при социализме.

Учет административных расходов в отдельных фабриках в переходный период от капитализма к социализму не представляет каких-либо принципиальных затруднений, неизвестных при капитализме. Иначе обстоит дело с учетом издержек всего общества; здесь для точного учета необходимы будут обстоятельные работы статистики и страховой математики. «Первый» сводный баланс не будет еще располагать ими, ему придется для начала удовлетвориться приблизительной, так называемой конъюнктурной статистикой. Эта статистика довольно близко приближается к действительности, если составляется знатоками данной отрасли хозяйства. Что касается издержек по осуществлению социальных принципов распределения, то здесь большие услуги окажет многолетний опыт, который приобретен представителями рабочего класса в области социального страхования. Подсчеты, требуемые нашей системой трудовых денег, могут, так или иначе, опереться на имеющиеся уже образцы, поэтому они не повиснут в воздухе, как учет натурально-хозяйственный. Для выдающегося знатока капиталистического счетоводства и учета не представит особых затруднений освоиться с бухгалтерией генерального картеля. Равным образом, и хозяйственный план генерального картеля или единой социалистической фабрики не встретит таких бесконечных трудностей, как чисто натуральный хозяйственный план, потому что наш хозяйственный план по форме будет примыкать к капиталистическому балансу, с той только разницей, что отпадут капиталистические фокусы сокрытия в балансе истинного положения вещей, они отпадут вместе с исчезновением антагонистической формы конкуренции.

Итак, готовый, пригодный для потребления продукт получает штемпель с ценой. Два вопроса остаются еще открытыми: один о том, действительно ли в продукт вошли все расходы, в том числе и на так называемые «дары природы», другой о дальнейшей судьбе продуктов, лежащих на общественных распределительных складах, попадут ли они вообще в руки потребителей и как попадут, можно ли «покупать» их, не останутся ли они на складе и не создаст ли новая денежная система возможности новых кризисов сбыта, новую диспропорциональность между производством и потреблением? На первый из этих вопросов мы уже выше мимоходом ответили. Все вещественные факторы производства, полуфабрикаты, сырье, вспомогательные материалы, которые поступают на одну фабрику из других или сдаются на другие фабрики для дальнейшей обработки, точно вычисляются, фактурируются. Вопрос, происходит ли этот расчет на наличные, т.-е. на трудовые свидетельства, или же он производится по книгам, т.-е. происходит «безденежный» оборот, лучше всего разрешит практика. Противники трудовой теории ценности возражают против системы учета в рабочих часах, что при этой системе учету может подлежать лишь расход рабочей силы, но не доля естественных факторов производства: земли, недр. Это возражение особенно налегает на категорию «редкостных» благ. И здесь в первую очередь подвизается тот же Мизес. Впрочем его аргументы уже приводились Бем Баверком [1]). Мизес ставит вопрос так, будто дело идет обо всех отраслях производства, в которые на-ряду с затратой рабочей силы входят также вещественные факторы. В таком общем виде его возражение абсолютно не обосновано, так как большинство хозяйственных благ может быть полностью учтено путем нормального определения издержек в рабочих часах. Лишь в самом конце Мизес вносит весьма важное ограничение, что его положение имеет значение лишь для редкостных благ, требующих хозяйствования. Он полагает, что цена будет единственным регулятором производства и в социа-

[1]) С ним в этом согласен и Heymann. Mehrwert und Gemeinwirtschaft, стр. 170.

листическом хозяйстве, и заключает, что цены редкостных благ придется установить так высоко, что это ограничит число их покупателей, их потребление, и значит использование недр и т. д. На самом же деле, общество в своем хозяйственном плане будет точно устанавливать норму этого использования; а поскольку для редкостных благ окажутся необходимы, кроме того, более высокие цены, то затраченным на них рабочим часам будет приписана более высокая производительность, причем это будет приниматься во внимание не при выплате заработной платы, а только при установлении цен. Сторонники субъективной теории ценности возразят на это, что с этими высокими ценами вводится в социалистическое хозяйство горнозаводская и земельная рента. Однако эта рента тотчас теряет свой капиталистический характер, раз она получается не единичной личностью, а всем обществом; но об этом ниже.

Второй вопрос имеет в виду судьбу готовых к потреблению благ. Отпуск продуктов за соответствующее, установленное обществом трудовое свидетельство не представляет собой какой-либо продажи и не является обменом, на распределительных складах не будет происходить никакого торга. Установленные обществом цены уплачиваются в трудовых свидетельствах, последние стекаются в центральное учреждение, например в центральный общественный банк, который затем «кредитует» ими фабрики, начинающие новые производственные циклы, пока они не поставят опять в распределительные склады готовые продукты [1]).

Экономический смысл этих процессов заключается в том, что трудовые свидетельства получает лишь тот, кто действительно работал, а общество, подводя итог своему потреблению,

[1]) Не следует недооценивать организационных трудностей по переводу сырья на фабрики и фабрикатов в распределительные склады. Например, придется установлять, какие шахты поставляют уголь на такую-то фабрику: этот вопрос может быть решен только путем точнейшего изучения условий их местоположения. Точно так же вопрос о том, на какой из складов должна поставлять свои фабрикаты та или иная фабрика. Это, правда, большие трудности, но не принципиальные, а практические.

имеет доказательство, что издержки производства покрыты Такое хозяйство не может очутиться вдруг перед полным голодом или перед абсолютной невозможностью контролировать производство и износ. Но здесь возникает трудность совершенно иного характера. Плановое хозяйство состоит в том, что точно учитываются потребности общества и в соответствии с этим организуется производство. Натурально-хозяйственный казарменный социализм просто разрешает эту проблему—по крайней мере, идейно—тем, что организует огромную статистику, подсчитывает число людей, подлежащих снабжению, подразделяет их на группы по их «положению» («Lebenslage»)[1]) и вырабатывает для каждой из таких «категорий» точную программу снабжения, останавливающуюся на каждой отдельной потребности. Раз «положение» человека определено, центральное хозяйственное ведомство устанавливает для него, в соответствии с его «категорией», величину сборов, а тогда составление производственного плана уже не представляет трудностей. Не таково наше представление о социалистическом хозяйстве. Прожиточный минимум, правда, определяется так, что каждый может получить недельный паек, точно рассчитанный и обеспечивающий восстановление рабочей силы. Однако, принципиально, каждому лицу предоставляется свобода получать из распределительных складов за его трудовые свидетельства любые предметы. Это, возразят нам многие, восстановит свободный рынок, и всегда может случиться, что некоторые товары будут оставаться на складах и даже возникнет общий кризис сбыта, если не найдет сбыта целый ряд благ. Возможность кризиса сбыта была бы наиболее сильным и важным аргументом против подобной организации социалистического хозяйства. Однако совершенно исключено, что неизбежно и органически разовьются такие кризисы, как в капитализме. Мы далеки от объяснения капиталистических кризисов исключительно недопотреблением; но эта теория может быть использована для доказательства невозможности кризисов в социалистическом обществе с системой трудовых денег. Каким образом могло бы

[1]) Срв. Otto Neurath, Vollsozialisierung, в сборнике «Deutsche Gemeinwirtschaft», Jena 1920, I, 21.

не найти «сбыта» большое количество благ, раз они поступают в распределение в точном соответствии с количеством затраченного на них труда? С самого начала исключено, что в обращении будет находиться значительно меньше трудовых свидетельств, чем это необходимо для покупки всех имеющихся продуктов. Это могло бы иметь место разве лишь в первое время, если общество чересчур осторожно установит размеры накидок к ценам на покрытие своих общих расходов, т.-е. назначит «слишком высокие цены» по сравнению с количеством израсходованных и выданных инвалидам и т. п. трудовых свидетельств. Только в таком случае ряд благ мог бы остаться на распределительных складах, и действительно наступило бы недопотребление, но это последнее немедленно обнаружилось бы из ведомостей распределительных складов. Однако, так как все антагонистические тенденции отпадают в социалистическом обществе, то эта ошибка может быть тотчас исправлена соответственным понижением (процента) общих расходов общества. Итак, трудности сбыта, принимающие характер кризиса сбыта, могут вытекать в социалистическом хозяйстве не из принципиальных, а из чисто технических трудностей первых шагов социализма. Нам возразят далее, что различные люди имеют различные потребности, что эти потребности постоянно изменяются, подвержены моде и обычаям; что эти последние, даже если они появляются не вдруг и не действуют подобно кризису, все же вызывают перемены спроса на те или иные блага, что при таких условиях всегда мыслимо, что некоторые предметы не найдут покупателей и останутся на распределительных складах и, что, таким образом, в хозяйство снова проникнет риск продавца, риск свободного рынка. Такая опасность существует разве только на первых порах социалистического строя, так как в дальнейшем статистика потребления может довольно точно пойти навстречу потребностям и их изменениям, соответственно регулируя производство. Впрочем, конечно, не настолько, чтобы все произведенные блага до последней крошки «разошлись по рукам».

Свобода, предоставленная потребителям, послужит дальнейшим стимулом для хозяйства, дальнейшей возможностью для

неантагонистической конкуренции. При натуральном хозяйстве, в котором люди различных «положений» должны брать без разговоров то, что им дают, может в той или иной отрасли привиться халатное отношение к производству,—ведь им обеспечен обязательный потребитель. Напротив, свобода потребителя в нашей системе трудовых денег дает ему возможность отказываться от продуктов плохого качества и покрывать свои потребности другими, более доброкачественными. Это внесет в общественное хозяйство мирную конкуренцию; она служит порукой, что в социалистическом хозяйстве останутся налицо стимулы к улучшению методов производства.

ДРУГИЕ ПОПЫТКИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Попытки разрешения проблемы учета в социалистическом хозяйстве весьма не многочисленны. Максу Веберу и Людвигу Мизесу можно поставить в заслугу, что они, хотя и с буржуазной точки зрения, со всей энергией обратили на него внимание социалистов. Мизес, конечно, отнюдь не имел в виду способствовать своей критикой разработке социалистической теории и практики, но надо честно признать за ним эту заслугу.

Еще до войны Морис Бурген (Bourguin) в своей книге «Социалистические системы и экономическое развитие» замечательно остро охватил всю проблему. Во второй главе он сделал попытку разрешения проблемы, почти совершенно совпадающую с нашей. «Коллективистское общество платит рабочим единицами общественной ценности в соответствии со временем, которое они потратили на производство какой-либо работы среднего качества. Оно определяет ценность продуктов по среднему рабочему времени. Рабочие получают продукты из общественных магазинов в обмен за рабочие или ценностные свидетельства, приобретенные ими за свой труд». Что представляют собой эти рабочие свидетельства Бургена? Являются ли они деньгами в капиталистическом смысле? Являются ли они средством товарообмена? Нет, это лишь свидетельства на натуральное участие в национальном доходе. «Рабочие боны... средство ликвидации, дающее рабочему возможность приобрести для себя часть национального дохода, эквивалентную созданным его трудом ценностям». Эта характеристика совершенно подходит и к нашим трудовым «деньгам». У нас, как и у Бургена, положена

в основу идея натурального снабжения благами пропорционально труду, вложенному каждым отдельным членом общества. Рабочие деньги являются лишь свидетельством на участие в национальном продукте, а форма их выбрана по соображениям хозяйственной техники. Работа Бургена чрезвычайно интересна, как попытка разрешения проблемы, сделанная в то время, когда эти вопросы не имели еще той актуальности, как теперь.

В своей уже не раз цитированной нами книге Каутский лишь вскользь касается этих вопросов. Систему трудовых денег он считает вполне возможной. «Несомненно, такие деньги вполне мыслимы. Но могут ли они быть проведены на практике?» («Социальная революция и ее программа». Нем. изд., стр. 318). Из всех, кто занимался этим вопросом, мы ближе всего стоим к Каутскому, так как он единственный, на-ряду с Гейманом [1]), к которому нам еще придется вернуться, признает необходимость действительного учета в социалистическом хозяйстве. Каутский возражает против натурального учета и тоже приходит к выводу, что система трудовых денег мыслима. Почему сомневается он в их практическом осуществлении? Он имеет здесь в виду, главным образом, «осложнения, которые возникли бы в связи с сдельной работой и с различием заработной платы, так как за неприятную и тяжелую работу, естественно, будут платить больше, чем за приятную и легкую». Этих сомнений мы уже касались во время полемики с Мизесом о различной квалификации труда и об учете этих различий при помощи системы трудовых денег. Остается лишь чисто техническая, существующая и при капитализме трудность определить вознаграждение за отдельные рабочие операции, но это не является осложнением по сравнению с капитализмом. «Какой огромной работы потребовало бы вычисление всего того труда, которого данный продукт стоил обществу от первого своего появления на свет до окончательной отделки, включая труд на транспорт и прочие побочные издержки! А когда работа эта закончена, пришлось бы начинать ее сначала, так как тем временем техни-

[1]) Heymann. Mehrwert und Gemeinwirtschaft, Berlin 1922 и «Die Sozialisierung», Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Band 45/3, S. 257 ff.

ческие условия во многих отраслях производства изменились бы». Однако эта огромная работа обычно проделывается в капиталистическом хозяйстве; последнему постоянно приходится заново исчислять себестоимость и притом не только в случае технических нововведений, но даже при производстве сериями, например, при каждой новой серии в тысячу штук производится заново точнейшее исчисление себестоимости, чтобы знать, насколько удешевляется продукт с дальнейшими сериями. Необходимость постоянного вычисления издержек вовсе не связана исключительно с системой рабочих денег, каждый частный предприниматель «расточает» значительную часть своей выручки на учет себестоимости. Что предлагает Каутский вместо точнейшего учета себестоимости? «Вместо того, чтобы проделывать безнадежную работу черпания воды решетом... пролетарский режим будет в области обращения товаров держаться за то, что найдет в конкретном виде: за исторически сложившиеся цены» (стр. 321). На самом деле нет исторически сложившихся цен с длительной силой, ни одна цена не может остаться неизменной при непрерывной флуктуации капиталистического строя; цены постоянно изменяются вследствие изменения методов производства или вследствие ряда искусственных мероприятий. Каутский не говорит, как долго исторически установившиеся цены должны быть сохранены социалистическим строем, кто будет пересматривать их, каким образом они будут приспособлены к новым методам производства и новым общественным условиям. На самом деле, эти цены совершенно не пригодны при новых, в корне изменившихся отношениях. Социалистическое общество, увековечившее у себя капитализм и его цены, должно погибнуть уже по одной этой причине: такие цены не дали бы возможности контролировать, покрывается ли потребление производством. Итак, доводы Каутского ничего не изменяют в наших выводах. Его решение проблемы, а именно сохранение старой денежной системы, разбивается о предпосылки социалистического хозяйства, об уничтожение товарного производства.

Карл Поланьи—сторонник гильдейско-социалистической организации. Он наперед отказывается построить систему учета для иного, кроме «функционально-организованного общества», на-

пример, гильдейско-социалистического. Как и Мизес, он считает невозможным разрешение проблемы учета в центрально-административном хозяйстве. Итак, попытка Поланьи несколько односторонняя. Не только с точки зрения диалектики, но также на основании имеющегося опыта можно считать не только вполне возможным, но даже необходимым, что гильдейско-социалистическому обществу не будут чужды приемы управления народного хозяйства из единого центра; и обратно, можно — тоже на основании опыта — утверждать, что централизованное хозяйство, руководимое исключительно в административном порядке, не возможно ни в теории, ни в практике. Впрочем, сам Поланьи признает административно-хозяйственное вмешательство общества «в пользу социального права», под которым он понимает проведение административным путем принципов социального распределения. Заслуга работы Поланьи состоит в том, что он указал на необходимость учета издержек; по сравнению с туманностями натур-экономистов, которые упорно игнорируют понятие издержек, это большой прогресс. Поланьи идет еще дальше, он сознает также, что издержки должны быть учтены в какой-либо величине. Однако Поланьи сбивается с этого много обещающего пути. Хотя он определенно утверждает, что проблема «может быть разрешена лишь при возможности суммирования издержек», он, тем не менее, рассматривает издержки, вытекающие из природы и общества, как издержки с разными знаками и разными качествами, и ищет для них общего знаменателя. Он полагает, что разрешил проблему, заменив в известной степени дебет и кредит «природой» и «обществом». Но где тот знаменатель, к которому должны быть приведены отдельные статьи? Об этом Поланьи умалчивает.

Гейман в своем вышецитированном труде колеблется между самыми различными системами. С одной стороны, он признает заслуги натур-экономистов с Отто Нейратом во главе, а с другой — стоит слишком близко к идеям Макса Вебера, чтобы отказаться от аргументов последнего против возможности денежного учета в социалистическом хозяйстве. Он переоценивает вместе с Мизесом значение рынка и конкуренции, но, с другой стороны, признает также важность и необходимость адми-

нистративно-хозяйственного вмешательства в социалистическом обществе. Гейман не пытается даже разобраться в трудностях проблемы учета, он рассматривает лишь проблему образования цен, но оставляет открытыми ряд важных вопросов хозяйственного учета, без которых проблема образования цен не может быть разрешена в полном объеме. Ибо вопрос о конкретном образовании цен в социалистическом обществе, а также вопрос о чистом доходе в этом обществе, о проценте и ренте, — все они для своего разрешения требуют сначала ответа на вопрос, в каком пункте народного хозяйства и по какому методу будет производиться окончательный учет. Заслуга Геймана, что он уже давно поднял вопрос об образовании цен в социалистическом обществе, еще в дискуссии о социализации. Гейман считает монопольное установление цен в социалистическом хозяйстве возможным, но не необходимым. Он придерживается спорного взгляда, что хозяйство с полной свободой конкуренции тоже имеет известный хозяйственный план, «правда скрытый, но не менее действительный»; сообразно с этим он полагает, что свободная конкуренция, как и при капитализме, явится средством для проведения хозяйственного плана в новом строе. Но так как под планом обычно понимается нечто сознательное, заранее «планированное», то о существовании хозяйственного плана при капитализме говорить не приходится. Взятая из капитализма свободная конкуренция, конечно, не может содействовать проведению осмысленного плана в социалистическом хозяйстве.

На этой теории свободного рыночного оборота в социалистическом хозяйстве Гейман строит свою теорию образования цен, в первую очередь цен предметов непосредственного потребления. Каждая фабрика и т. д. — аргументирует он — будет прежде всего стремиться к покрытию всех издержек, цены образуются, таким образом, на основании себестоимости. Но так как, при свободе рыночного оборота, предложение и спрос будут иметь почти такое же действие, как на капиталистическом рынке, то рыночные цены в зависимости от обстоятельств будут отклоняться от себестоимости. По этим отклонениям руководители производства узнают, соответствует ли производство отдельных благ спросу. Это даст возможность установления производствен-

ного плана, который однако ничем не отличается от «открытого хозяйственного плана» капитализма. Этот метод образования цен на предметы потребления, естественно, отражается на образовании цен благ высшего порядка. Таким образом, мы приходим к тому же неустойчивому состоянию, которое характерно для капитализма. Система Геймана вовсе не исключает возможности того, что различные фабрики с одинаковой производственной программой будут производить с различной себестоимостью и продавать на рынке по разным ценам. Один характерный признак капиталистического отсутствия плана за другим. У Геймана нельзя усмотреть, будет ли доля, приходящаяся на вознаграждение предпринимателя [1]), устанавливаться из центра в одинаковых размерах для всех фабрик и пр. или и в этой области будет господствовать полное отсутствие плана, открывающее двери чисто капиталистическому хозяйству, построенному на прибыли.

При образовании цен по методу Геймана вполне возможны кризисы сбыта, распространяющиеся не только на отдельные предметы, но на все народное хозяйство, тем более, что Гейман не признает воздействия из центра для восстановления пропорциональности между производством и потреблением. У Геймана существуют также процент и рента, в горном деле и сельском хозяйстве, дифференциальная рента.

Предложения Геймана приводят нас к вопросу о пропорциональности между производством и потреблением при нашей системе трудовых денег; этот вопрос мы, намеренно, лишь вскользь рассмотрели в предыдущей главе. Свобода делать что угодно с заработанными трудовыми свидетельствами будет иметь своим следствием, что потребители будут чаще требовать одни предметы и гораздо меньше другие. Статистика распределительных складов, ежедневных результатов «продажи» будет служить материалом для ближайшего производственного периода и для соглашения с «поставщиками» сырья; она даст возможность довольно точно определять размер производства в соответствии с потреблением — правда, не до последней рубашки, но, во вся-

[1]) «Предприниматель» и «вознаграждение предпринимателя» при социализме — это, конечно, абсурд. Прим. ред.

ком случае, на производство мало требуемых благ будет теряться не слишком много общественного труда. Первые годы представят некоторые трудности, которые, однако, не могут быть отнесены за счет самой системы. Итак, можно совершенно отказаться от «предупреждающего сигнала» высоких и низких цен для регулирования производства. Но здесь является еще одно возражение против нашей системы учета: быть может, некоторые блага остались на распределительных складах, потому что при данной цене не находят покупателя; в таком случае свободный рынок Геймана был бы здесь стимулом к понижению издержек производства. У Геймана мы, действительно, находим повышение и понижение цен соответственно спросу, точно так же, как при капитализме. Однако повышение цен при увеличивающемся спросе совершенно недопустимо в социалистическом строе, так как позволяет удовлетворить свои потребности только тем, кто имеет наиболее высокий заработок. Даже в отношении редкостных благ, для которых еще можно было бы найти оправдание такой политике цен, будет применяться сознательное регулирование потребления и справедливое распределение, но не беспорядочное повышение цен. Иначе обстоит дело с понижением цен, обусловленным недостаточностью спроса. Возможно, например, что некоторые продукты будут объявлены физиологами совершенно необходимыми для питания, но техника производственного процесса будет еще не настолько совершенной, чтобы можно было отпускать их по такой цене, которая позволит приобретать их людям с незначительными доходами. В этом случае понижение цен будет необходимо, но оно последует не без плана, из соображений рынка, а планомерно, в соответствии с социальными принципами распределения. «Убыток» от такого рода понижения цен будет отнесен за счет расходов всего общества. Продукты будут оставаться на распределительных складах также при наступившем сдвиге потребностей, затем (в особенности вначале, при недостаточно налаженной статистике), если те или иные блага будут произведены в большем количестве, нежели требуется для покрытия спроса. В этих случаях социалистическое хозяйство, быть может, прибегнет к понижению цен, в особенности если дело идет о скоро

портящихся благах. Однако эти удешевления не будут вытекать из суверенитета социалистического «торговца».

Конечно, для всей проблемы учета в социалистическом обществе было бы чрезвычайно важно иметь уже практический опыт с той или другой системой учета. Это значительно содействовало бы выяснению этой крайне проблематичной области. Но имеющийся опыт чрезвычайно незначителен. В Средней Европе ограничивались штудированием частичной социализации, т.-е. внедрения «социалистических ячеек» в капиталистическое хозяйство и, значит, в капиталистический учет. Попытки полной социализации в Венгрии, длившиеся еле девятнадцать дней, конечно, слишком коротки, чтобы на основании их можно было сделать какие-либо выводы [1]). Остается, таким образом, лишь опыт Советской России. В ней формально никогда не был отменен перешедший от капиталистического хозяйства денежный учет, хотя одно время там полагали возможным ввести натуральное хозяйство «через заднюю дверь», путем колоссального увеличения бумажного обращения и полного обесценения денег. В последнее время там вернулись к средствам капиталистической банковой и денежной политики, так что и здесь не имеется достаточного опыта [2]). В области теории, поскольку нам известно, имеются налицо лишь результаты дискуссии в «Экономической Жизни» в 1920 г.; в ней, между прочими, приняли участие Чаянов, Струмилин и Варга. Если эта дискуссия и не особенно плодотворна в смысле практического разрешения проблемы, она тем не менее чрезвычайно интересна и поучительна, поэтому мы изложим ее довольно подробно.

Первая часть работы Чаянова [3]) не была в нашем распоряжении в оригинале, мы знаем ее лишь, поскольку могли воспроизвести ее по второй части, а также по полемике его противников. Чаянов указывает здесь на необходимость объективно-технического измерения социалистического хозяйства; он определяет понятие хозяйственности и старается во второй части найти масштаб для различ-

---

[1]) Срв. Е. Варга, Хозяйственные проблемы диктатуры пролетариата.

[2]) Автор недостаточно осведомлен о сущности нашего НЭП'а.

Прим. ред.

[3]) «Экономич. Жизнь», № 231 от 16 октября 1920 г.

ных объективных мер ее. Чаянов сводит «измерение хозяйственной деятельности к сравнению усилий и расходов в натуре». Хотя Чаянов сторонник натурального хозяйства и полагает возможным установить в натуре объективно измеренную «техничность» хозяйственных явлений, совершенно отказываясь при этом от денежного хозяйства, он все же не так наивен, как наши примитивные натур-экономисты, которые вообще не видят необходимости сравнивать различные хозяйственные явления и процессы. Чаянов, по крайней мере, старается найти общий язык, на котором можно сопоставить различные степени «хозяйственности»; капиталистическое хозяйство достигает этого путем сравнения доходности, процента чистого дохода в различных предприятиях. «Такая система оценки,—говорит Чаянов [1]),—совершенно отсутствует в наших натуральных сравнениях. Чтобы сказать, являются ли наши установки доходными или бездоходными, мы должны сравнивать их с известными нормами, которые могут служить критериями для хозяйственной оценки социалистического производства. Другими словами, один внутренний учет не достаточен для измерения доходности хозяйственных балансов, он выражает лишь достигнутый технический результат, а хозяйственную пользу мы можем оценить лишь при посредстве внешнего нормативного критерия». Чаянов—специалист по сельскому хозяйству и первым делом ссылается на то, как уже Рикардо, а после него Маркс объясняли земельную ренту, а именно: засев худших почв, при растущем спросе, следствием чего является образование дифференциальной ренты на лучшей почве. В связи с этим примером, Чаянов полагает, что сравнение успешности различных сельских хозяйств возможно и необходимо. Однако это не решает еще, напротив, лишь подчеркивает его проблему: каким образом сравнивать и измерять результаты различных культур? По его мнению, образцом здесь может служить практика датских контрольных союзов, выражающих получаемое от коровы молоко в функции кормовых средств, потребляемых ею. Корова, которая дает больше молока при меньшем количестве корма, является «продуктивнее, хозяйственнее» другой, которая

---

[1]) Цитаты приведены по немецкому переводу.

при большем количестве корма дает меньше молока. Но Чаянов делает здесь ошибку: в его примере дело идет о продуктивности, которая выражается одной функцией, именно функцией корма, но при определении хозяйственности сельско-хозяйственного, а тем паче промышленного производства, следует иметь в виду, что их хозяйственный результат является функцией бесконечно многих отдельных явлений; только взаимодействие их дает окончательный результат. Кроме того, в экономике приходится сравнивать не только результаты однородных хозяйственных деятельностей, но также различные отрасли, например хозяйственность получения электрической энергии из тепла или путем использования водяной силы. Между тем, несмотря на чрезвычайную сложность системы датских контрольных союзов, она, в лучшем случае, дает лишь возможность сравнивать хозяйственность электрических станций с одинаковым методом производства электрической энергии. Как же решает Чаянов эту проблему, которую он так остро поставил и нисколько не затушевывает? Он ищет в рамках сельско-хозяйственного учета способа измерять различные культуры одной хозяйственной единицы, как то: хлебопашество, луговое хозяйство, огородничество, скотоводство. «Единственным средством, — говорит он, — для сравнения хозяйственности отдельных культур производственной единицы является сопоставление достигнутых результатов с общественно необходимыми предельными нормами продуктивности. Как достигнутые результаты, так предельные нормы продуктивности, будут устанавливаться центром на основании изучения всех отраслей народного хозяйства». Здесь Чаянов опять опирается на пример из области сельского хозяйства. Животное идеального сложения размечается различными баллами за отдельные части своего тела, за форму ног и т. д. Пусть различные баллы этого идеального животного составляют, например, 100; другие животные классифицируются по сравнению с этим идеальным животным. Таким образом получаются объективные баллы и для других животных. Правда, элемент произвольности при установлении идеальных баллов и при сравнении с другими животными делает применимость этого метода сомнительной там, где речь идет о точном подсчете.

Чаянов продолжает: «Если мы применим эту идею к экономике, то вместо различных сложений животного, перед нами отдельные отрасли хозяйства и вместо системы максимальных баллов система общественно необходимых предельных норм производительности, устанавливаемых центром. Например, нам необходимо произвести учет хозяйства А при данном коэффициенте успешности для земледелия вообще; износ строений, инвентаря и прочие расходы материалов и топлива принимаются при этом за 1/4 цифры труда.

«Для получения 100 ржаных единиц было израсходовано:

Элементы производства	Предельная норма расхода	Действительный расход	Отношение
Труд	45,0	30,0	1,5
Запасы	120,0	90,0	1,3
Почва	11,0	8,5	1,3
Транспорт	0,6	0,6	1,0
Постройки	15,0	25,0	0,6
Инвентарь	0,5	0,4	1,2
Материалы	1,5	1,0	1,5
Топливо	0,03	0,03	1,0

«Общий балл успешности полеводства составит:

$$\frac{1{,}5 + 1{,}3 + 1{,}3 + 1{,}0 + 1{,}1}{5} = 1{,}24.$$

«Возьмем подобным же образом луговое хозяйство и огородничество. Относительное значение их в организационном плане конкретного хозяйства мы принимаем за 1/4 значения земледелия. Возьмем также скотоводство, значение которого мы принимаем в 1/2 значения земледелия. Тогда мы получим следующий общий результат (см. стр. 77).

«Если предельную норму для всех отраслей хозяйства принять за 1, то результат данного хозяйства А составит 1,23. Такова наша система измерения хозяйственности в социалистическом хозяйстве. Она дает возможность очень точно рассчитать меру

Отрасли хозяйства	Коэффициент успешности	Коэффициент специального значения	Сумма
Полеводство	1,24	4	4,96
Луга.	1,02	1	1,02
Огородничество	0,90	1	0,90
Скотоводство.	1,48	2	2,96
			9,84 : 8 = 1,23

израсходованного труда и средств производства в каждой отрасли хозяйства. Эта система исполняет задачу, которую исполнял старый метод учета в капиталистическом хозяйстве».

Теория Чаянова воспроизведена нами так подробно, потому что мы имеем здесь дело с очень интересной и тщательно продуманной системой натурально-хозяйственного учета. Однако она имеет тот крупный недостаток, что при помощи ее в лучшем случае можно сравнивать лишь результаты в одной и той же отрасли. Эта система, повторяем прежний пример, может сравнивать лишь различные электрические станции одного способа получения энергии, например, теплового, но не две электрические станции, из которых одна работает на топливе, другая с водяной силой, не говорим уже о возможности рассчитать доходность различных видов энергии и ее добычи. Этот основной недостаток происходит от того, что Чаянов вообще имеет в виду только сельское хозяйство, но в конце концов полагает возможным сравнивать при посредстве своих объективных критериев также различные отрасли народного хозяйства. При этом он забывает, что его цифры лишь относительны, получены из сравнения конкретного хозяйства с идеальным хозяйством той же отрасли и из так называемых предельных норм производительности. Но кто устанавливает и проверяет эти предельные нормы производительности? Даже если эти идеальные или минимальные нормы исчислять с максимальной осторожностью, они все-таки вводятся произвольно, и неверность их может оказаться роковой для народного хозяйства.

Кроме того, в самых нормах имеется целый ряд других произвольностей. Износ строений и инвентаря, расход материалов и топлива Чаянов без дальнейшего принимает равными четвертой части затраченного труда. Труд, использование запасов и почвы (что в данном случае понимается под почвой? качество почвы, величина площади посева или «дар природы»?) без всякой мотивировки предполагаются равными друг другу по своему значению и на этом базисе исчисляется коэффициент хозяйства А! Почему роль лугового хозяйства и огородничества в общем коэффициенте хозяйства А составляет именно 1/4 роли земледелия? Это произвольные приемы. Они допустимы с величайшей осторожностью, но, конечно, открывают полный простор ошибкам; например, если принять особенно большим значение огородничества в мало производительном хозяйстве, и таким образом исказить всю картину. Но если даже предположить, что применение этого метода удастся, что произвольность его будет сведена к минимуму, то все же познавательная ценность его весьма незначительна. Этот метод только помог бы судить, какое из нескольких совершенно однородных хозяйств производит объективно рациональнее, но он был бы совершенно бессилен установить планомерную связь между производством и потреблением и необходимо повлек бы за собой хаос и бесконтрольность хозяйства. Кроме того, метод Чаянова на практике оказался бы настолько сложным, потребовал бы столько данных — стоит только подумать о применении его системы классификации к промышленному производству с его бесчисленными функциональными зависимостями,— что успешность его можно считать совершенно исключенной.

Чаянову ответил Струмилин в трех статьях [1]). В первой из этих статей он останавливается на принципиальном вопросе, возможна ли система натурального учета по способу Чаянова и может ли социалистический учет отказаться вообще от понятия ценности. Он отрицает это: «устранена лишь одна историческая форма выражения ценности, но образующий ценность фактор, расходование человеческой рабочей силы, сохранил свое полное

---

[1]) «Экономич. Жизнь», № 237 от 23 октября 1920 г., № 284 от 17 декабря 1920 г. и № 290 от 24 декабря 1920 г.

значение». Струмилин конструирует систему трудовой ценности; однако в своей второй статье, в которой он касается вопроса о единицах измерения этой ценности, он не развивает практически своей системы и, таким образом, остается при твердокаменном отрицании денег. Гораздо важнее его возражения против натурально-хозяйственных построений Чаянова. Он вполне правильно сосредоточивает центр тяжести своей аргументации на том, что и в натуральном хозяйстве совершенно невозможно охватить различные блага без сравнивающего и посредствующего элемента. «Все разнообразие благ современного общества вообще не может быть учтено арифметически сведением к какой-либо одной единице. Аршины нельзя складывать с пудами и дюжинами. Аршины полотна не могут быть просто складываемы даже с аршинами шелка, потому что они не равноценны. Так нельзя судить о результатах хозяйства А. Если учитывать все блага в натуре, распределяя их по сортам в различнейших единицах меры, то даже самый гениальный мозг не будет в состоянии охватить такую пестроту материального учета... Для того чтобы учесть хозяйственные блага, мы вынуждены оценивать их путем сравнения, сводя их на общий эквивалент». Эти ясные и решающие возражения против натурального хозяйства и его методов учета, конечно, являются также аргументами против Отто Нейрата. Струмилин исследует затем детали системы Чаянова и приходит, как и мы, к существенному возражению, ясно схватывающему основную проблему социалистического учета: «Социалистическое общество должно знать, становится ли оно богаче или беднее. Все эти составные части баланса могут и должны быть даны в единицах трудовой ценности; в противном случае они не имеют никакой цены для общества». К сожалению, несмотря на свою столь ясную постановку проблемы, Струмилин в дальнейшем теряется в исследованиях отношения трудовой ценности к полезности и их обоих к психофизическому закону Вебера-Фехнера [1]). Струмилин по-

[1]) Ср. об отношении теории предельной полезности к закону Вебера-Фехнера, также Макса Вебера. Grenznutzenlehre und das psychophysische Grundgesetz, «Gesammelte Aüfsätze», Tübingen 1922.

лагает, что нашел разрешение этой проблемы комбинирования трудовой ценности и полезности в социалистическом обществе, а именно в учете на основе закона Вебер-Фехнера. При этом он теряется в ряде формул, которые, конечно, не могут быть применены при практическом подходе к проблеме.

Против Чаянова высказывается также Евгений Варга в статье в «Экономической Жизни», появившейся также в немецком переводе [1]. После краткой полемики с Чаяновым он излагает свою собственную систему хозяйственного учета в социалистическом обществе. Система Варги очень приближается к нашей системе трудовых денег. Он также исходит из того, что в социалистическом обществе масштабом издержек является рабочее время. Таким образом, он приходит к формуле:

$$\text{A (затрата труда в часах)} = \frac{\text{Z (колич. рабочих)} \times \text{H (колич. раб. час)}}{\text{n (количество произведенных единиц)}}$$

При этом он делает следующие «нереальные предпосылки»:

«1) Мы не принимаем в расчет рабочее время, которое входит в новый продукт в виде износа средств производства;

2) мы оцениваем одинаково рабочие часы необученного рабочего и рабочего-специалиста;

3) мы предполагаем интенсивность у всех рабочих одинаковой;

4) мы не принимаем в расчет издержек на транспорт;

5) мы не принимаем в расчет необходимый по климатическим причинам перерыв работ крестьянина в зимнее время;

6) мы принимаем пока за нормальное нынешнее недостаточное питание;

7) мы не принимаем в расчет то обстоятельство, что один и тот же труд, при различных природных условиях, дает различные результаты».

Для каждого из этих факторов Варга вводит поправку к вышеприведенной формуле. Он не вводит ее для зимнего отдыха крестьян, так как летом крестьяне работают ежедневно больше восьми часов и таким образом уравнивают свой зимний отдых; не вводится поправка также для плохого питания, так как с улучшением питания будет повышаться также интенсив-

[1]) «Kommunismus», II. Jahrgang, Heft 9/10, Wien 1921.

ность труда, а при плохом питании пониженная интенсивность труда является общественно нормальной. В результате Варга получает сложную формулу для ценности продукта. Он ничего не говорит о практическом проведении своей системы; в рамках краткого очерка это и не обязательно. Проблему учета различных естественных условий Варга решает тоже аналогично нам. «Определять рабочее время, содержащееся в сельско-хозяйственных продуктах, можно только по районам плодородности, т.-е. различно, согласно действительности». Он тоже полагает, что, раз редкостные блага будут находиться в непосредственном ведении государства, последнее будет получать «ренту». Поскольку это необходимо для того, чтобы воспрепятствовать хищническому использованию и преждевременному истощению запасов редкостных благ, если это не сделано уже путем других норм, Варга совершенно прав.

Остается еще одна система, которой мы уже неоднократно касались в предыдущем изложении, — это «плановое хозяйство» Отто Нейрата. Мы уже показали, насколько система Нейрата не продумана, не считается с примитивнейшими факторами капиталистического и социалистического хозяйства и применяет ко всему народному хозяйству только схематический масштаб готовых для потребления благ; эти блага, конечно, могут распределяться без дальнейших околичностей. Эта система не задумывается ни на один момент над различным происхождением этих благ, над невозможностью контроля над хозяйством при натуральном учете и над неизбежностью крушения хозяйства, не знающего, сколько оно производит, сколько откладывает для покрытия износа и т. д. На все это мы уже указывали. Здесь мы остановимся лишь на том, как возникли эти идеи Нейрата; это характерно для всего его метода. Нейрат исходит из военного хозяйства, оно было его научной специальностью еще в мирное время (1909 г.). Он разработал теорию военного хозяйства (Kriegswirtschaft) и в конце концов это постоянное занятие военными идеями привело его к переоценке войскового хозяйства (die Wirtschaft des Heeres). Одним из наиболее существенных заблуждений Нейрата является характеристика войскового хозяйства как натурального хозяйства в капиталистическом и денежном

окружении. Он исходил из психологии унтер-офицера (каптенармуса), ведущего счет продовольствия по пехотной роте с ее четырьмя благородиями (офицерами) и 200 человек команды. Здесь на каждого человека устанавливался определенный паек из столько то декаграммов мяса, хлеба и прочего. Каптенармус должен был уметь обойтись с этим, свести концы с концами. Однако для какого-либо улучшения или разнообразия продовольствия ему необходимо было переводить натуральный паек на деньги и покупать другие товары. У Нейрата же счет продовольственных пайков и продовольственной команды вылился в навязчивую идею, что здесь находится начало натурального хозяйства. «Войсковое управление уже в мирное время обладало большим и хорошо организованным натурально-хозяйственным аппаратом; его, так сказать, надо лишь распространить на гражданское население» [1]. Каким образом фактически проводить этот учет, в частности, контроль над тем, поскольку потребление покрывается производством, этого Нейрат не излагает нигде. В самом деле, какой смысл имеют такие его фразы: «Деньги не нужны в хозяйственном плане, который непосредственно определяет условия, необходимые для общего блага, и не прибегает к окольным путям обмена. Разве можно выразить в деньгах улучшение жилищных условий или затраченный на это труд?» [2]. Разумеется, улучшение жилищных условий, как повышение комфорта, не может быть учтено в цифрах; однако могут быть учтены те дополнительные издержки, которые потребовались для этого. Этот учет необходим для того, чтобы издержки не превышали суммы произведенных благ. К этому у Нейрата присоединяется нелепое представление, что уже при капитализме, всюду где не говорится о деньгах, господствует натуральное хозяйство. «Натуральный учет издавна существует в области искусства, воспитания, здравоохранения и армии» [3].

---

[1] Otto Neurath, Durch die Kriegswirtschaft zur Naturalwirtschaft, München 1919, S. 488.

[2] Otto Neurath, Vollsozialisierung, Heft 15, der Sammlung «Deutsche Gemeinwirtschaft», Jena 1920, S. 14.

[3] Otto Neurath, Gildensozialismus, Klassen-Kampf, Vollsozialisierung, Dresden 1922.

Что следует понимать под этим? Как можно говорить об учете в области искусства и воспитания? Неужели Нейрату не известно, что учет возможен только в хозяйстве и что оттуда и происходит понятие рациональности? В музыке счет происходит при помощи единиц такта; неужели Нейрат назовет это натуральным учетом? «Натуральное хозяйство» Нейрата ведет к совершенному хаосу и полной бесконтрольности хозяйства. Мы вполне понимаем Макса Вебера, который в 1919 г. писал Нейрату: «Я считаю ваши проекты планового хозяйства дилетантским, объективно абсолютно безответственным легкомыслием, которое может на сто лет дискредитировать социализм» [1].

[1] Max Weber, Politische Schriften, München 1921, S. 788.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наше изложение системы социалистического учета почти закончено. Остается лишь уточнить некоторые контуры. Если сравнивать свободное и управляемое хозяйство, как противоположные типы, то в начале нашего изложения могло казаться, что социалистическое общество с нашей системой трудовых денег должно быть отнесено скорее к первому типу, чем ко второму. С внешней стороны представлялась до известной степени та же картина, что и в капитализме. Рабочий получает свою заработную плату в свидетельствах, которые отличаются от капиталистических денег лишь тем, что на них иная надпись. Он идет с этим свидетельством в склады, на которых, так же, как и в капиталистических магазинах, имеются все продукты, необходимые для поддержания его жизненной силы. Однако в этом социалистическом обществе имеется целый ряд чрезвычайно важных и коренных вмешательств общества в хозяйственную жизнь. Во-первых, мероприятия по организации распределения: общество установит прожиточный минимум, обеспечит неработоспособных, больных, стариков, детей и несовершеннолетних — все это, конечно, по мере производственных возможностей и в зависимости от наличных рессурсов. Далее, наше социалистическое общество имеет в своих руках средства, позволяющие ему оказывать в последней стадии решающее влияние на образование цен. Уже ранее, при рассмотрении общих расходов единой социалистической фабрики, мы указывали, что они не будут покрываться одинаковым начислением на простые и сложные продукты, что будет проведена широкая дифферен-

цинация отдельных продуктов и устранена опасность превращения этих расходов в род косвенного обложения предметов первой необходимости. Таким образом, общество получает возможность оказывать влияние на образование цен во всех областях производства, а вместе с этим на уровень жизни его членов. Общество регулирует также добычу и потребление редкостных благ, определяет норму использования ископаемых и т. д.

Повторяем: на первый взгляд наша система как будто обходится без всякого административного вмешательства или, по крайней мере, без существенного вмешательства, но затем, при более внимательном рассмотрении, в ней обнаруживается целый ряд таких вмешательств, которые, в конце концов, приближают ее к типу планового хозяйства. Это имеет свой глубокий смысл. Это впечатление соответствует ходу фактического развития. «Вначале» новое общество не будет в состоянии проводить все те меры административно-хозяйственного воздействия, которые станут возможны, когда социалистическое хозяйство окончательно установится и сбалансируется. В той мере, как будет организована система учета и экономический парламент или другой руководящий орган получат возможность все большего контроля над наличными хозяйственными силами общества и его бухгалтерией, в той мере, как будет прогрессировать органическое строительство народного хозяйства, например, по гильдиям, — в такой же мере части народного хозяйства будут все более подчиняться целому. Это, конечно, будет происходить не по бюрократическому образцу вмешательства в самые мелочи, а без всяких трений. С завершением организации нового хозяйства вся работа единой общественной фабрики будет происходить под руководством центра.

Превосходство хозяйственного руководства из центра яснее всего выступает при рассмотрении положения отдельной фабрики. Кто руководит ею, от какого учреждения получает она руководящие технические и производственные указания? Кто контролирует ее работу, кто дает ей сведения о производственных методах в других фабриках с той же производственной программой, кто сравнивает ее производственные результаты с результатами других фабрик? Как должна она построить свою отчет-

ность и кому ее представить? Кто распоряжается операционным остатком этой фабрики и как он определяется? Кто определяет, сколько трудовых свидетельств должны быть выданы фабрике? Иначе говоря, кто финансирует ее? Каким образом оказывается вообще возможным операционный излишек или даже чистый доход? Все эти вопросы находятся в непосредственной или, во всяком случае, в ближайшей связи с системой учета. Фабрики в новом обществе будут самостоятельны, поскольку назначенные тем или иным образом [1]) директора их несут персональную ответственность, но эти директора могут быть удалены, если не отвечают требованиям. Таким образом может быть заменена и сохранена в социалистическом хозяйстве так называемая «частная инициатива» капиталистических руководителей предприятия и их чувство ответственности. Точно так же, как директора отдельных фабрик концерна зависят от финансирования последних концерном и получают денежные авансы лишь по представлении детальной производственной программы, подобным же образом происходит финансирование отдельных фабрик и в социалистическом обществе. Обмен опытом, подсчеты (вначале лишь приблизительные) предстоящей выработки будут происходить сообща, в этом будет состоять важнейшая функция гильдий. Раз гильдии известно, сколько она должна выработать, и раз она урегулирует с высшим органом хозяйства вопрос финансирования, то нетрудно распределить «заказы» и соответствующие авансы между отдельными фабриками. Эти последние вначале будут вести свои книги таким же образом, как и при капитализме, т.-е. учет будет производиться в виде балансов к началу производства и при окончании производственного периода или операционного года. Такой учет дает в результате излишек или дефицит, прибыль или убыток. Здесь мы снова имеем дело с двумя чрезвычайно проблематическими понятиями. Что представляют собой прибыль и убыток в социалистическом хозяйстве? Убыток ясен сам по себе; если фабрика заключает баланс с убытком, то это значит, что ее выработка не возвра-

[1]) Мы не будем останавливаться здесь на возможных способах таких назначений. Подходящим образцом мы считаем тип общественной фабрики у Отто Бауера (см. его «Weg zum Sozialismus»).

тила всего того, что вошло в производство в виде вещных факторов и затраты труда. Но что значит здесь прибыль и как она может возникнуть? Можно было бы думать, что в социалистической фабрике, после всех списаний со счетов, зачислений в резервы и уплаты причитающихся обществу общих расходов, не должно получиться никаких остатков; в противном случае это означало бы, что продукты проданы слишком дорого по сравнению с издержками на них, — иначе говоря, здесь была бы та же эксплоатация, но лишь в иной форме, здесь не только рабочие получили бы меньше заработной платы, чем соответствует их участию в производстве, но вообще продукты отдавались бы за более высокие эквиваленты, в ущерб потребителям; последним придется отдать за них больше трудовых свидетельств, чем необходимо для покрытия издержек. Это возможно на первых порах социалистического общества, когда из предосторожности часто могут назначать несколько высокие цены; впрочем, по окончании производственного периода и после точного установления издержек, цены будут исправлены. Однако не только в период детских болезней, но и впоследствии может случиться, в особенности в отраслях с очень точным учетом издержек, что при одинаковых ценах одна или несколько фабрик дадут некоторый чистый доход. Это будут или фабрики особенно хорошо управляемые, или особенно благоприятно расположенные (близость сырья или районов сбыта, поэтому экономия в издержках на транспорт и т. д.). Они получат так называемую сверх-прибыль, или дифференциальную ренту. Это, конечно, возможно также в социалистическом строе, в особенности в сельском хозяйстве и во всех отраслях, в которых играют особо важную роль естественные условия, так называемые «дары природы» [1]). Этот сверх-нормальный операционный излишек

---

[1]) Раз отдельные фабрики получают такую сверх-прибыль, это значит, что цены их продуктов превышают фактические издержки, и рабочие этих фабрик получат меньше трудовых свидетельств, чем соответствует их участию в производстве. Но надо принять во внимание, что сверх-прибыль одних фабрик пойдет на покрытие убытков других фабрик той же отрасли. А кроме того сверх-прибыль эта отходит вообще к обществу, как целому, и употребляется на социальные мероприятия.

не остается, однако, в распоряжении данной фабрики. Разве лишь в тех случаях, когда он обусловлен особыми качествами и старанием личного состава; тогда он частично может быть оставлен для вознаграждения работников фабрики. Во всех остальных случаях рента должна быть передана в распоряжение всего общества. Впрочем, отдельная фабрика и не может произвести самостоятельно точное исчисление чистого дохода. Единичные предприятия концерна часто дают лишь материалы для баланса, а последний составляется в центральном бюро концерна, где устанавливается процент отчислений и т. д.; точно так же можно составлять баланс и в социалистическом хозяйстве. Отдельные фабрики доставляют основные данные для балансов, но только гильдия определяет, сколько из полученного операционного излишка должно быть израсходовано на расширение производства, на отчисления, на покрытие дефицита, на погашение общих административных расходов общества, и остается ли после этого «чистый доход». Остается под большим вопросом, сможет ли гильдия делать все это самостоятельно, не привлекая к этому центральный орган. Отношение единичной фабрики к гильдии будет, конечно, иметь аналогию в отношении гильдии к центру. Только если центр распоряжается чистым доходом отдельных фабрик, имеется гарантия, что исключена всякая эксплоатация. Операционный излишек, полученный в отдельных фабриках, необходим для покрытия убытков в других фабриках той же отрасли. Эта сверх-прибыль, возникающая благодаря известным естественным условиям производства в отдельных фабриках, не ускользает от общества, а поступает в его распоряжение. Она, таким образом, теряет подобие капиталистической сверх-прибыли. Возможен и другой выход: понижение цен на продукты той фабрики, в которой оказалась сверх-прибыль. Однако это немедленно повлекло бы за собой возрождение антагонистической конкуренции. Социалистическое общество с нашей системой трудовых денег не может вступить на этот путь.

Само собой понятно, что и понятия «доходности» и «производительности» должны получить в социалистическом хозяйстве другой смысл, нежели при капитализме. Уже то, что существуют

эти два понятия, которые никак не покрывают друг друга, является характерным для капитализма. Капиталистическое предприятие может быть доходным, не будучи производительным. Капиталистический предприниматель может больше заработать на уничтожении своих товаров, чем на производстве и продаже их по низким ценам. В социалистическом обществе доходность и производительность не могут быть самостоятельными понятиями, доходным будет лишь то, что́ производительно. Тот монополистский произвол, которого так опасается Гейман, например, что рабочие данной фабрики будут заинтересованы в высоких ценах ее изделий, в целях повышения своей заработной платы, и что в связи с этим могла бы восторжествовать политика цен, разделяющая понятия доходности и производительности, — все эти страхи совершенно не основательны.

Нам остается осветить еще лишь один вопрос: возможна ли и при трудовых деньгах инфляция, будут ли эти деньги тоже вести свое самостоятельное существование, как капиталистические деньги? Теоретически эта возможность мыслима. Высший хозяйственный орган, государственный банк или другой орган, выпускает трудовые свидетельства, которые представляют собой ордера на блага. Каждый трудящийся получает определенное количество этих свидетельств, как изложено выше. Возможно, что под давлением обстоятельств или вследствие ошибок в учете имеющихся средств потребления, будет выпущено слишком большое количество трудовых свидетельств, т. е. выплачена слишкам высокая по сравнению с производительностью общества заработная плата, так что за лишние свидетельства нельзя будет получить продукты. Гейман считает возможным в этом случае повышение цен, но такой путь закрыт в социалистическом хозяйстве, в котором, как мы знаем, господствует принцип «твердых цен». Если слишком большой спрос не выразится в скачкообразном повышении цен, то он выразится в «хвостах» перед складами и т. д. Возможны и более серьезные последствия. Раз возникла «дополнительная покупательная сила», руководящие органы хозяйства могут в соответствии с этим повышенным спросом увеличить производство; такая ложная «банковая политика» может повести к обеднению всего хозяйства, если при

этом не будут приняты необходимые меры. Итак, предпосылкой нашей системы трудовых денег является чрезвычайно осторожная «банковая политика». Она, прежде всего, должна точнейшим образом учитывать цифру трудовых свидетельств, необходимых для обеспечения обращения, и никак не превышать ее. В налаженном социалистическом хозяйстве опасность «инфляции трудовых денег» не слишком велика, но в период «детских болезней» она заслуживает внимания. Впрочем, в социалистическом хозяйстве с системой трудовых денег все является ясным и прозрачным; поэтому всякая ошибка, — а только о ней и может итти речь, а не об органических недостатках, как при капитализме,— должна скоро обнаружиться и может быть тотчас устранена.

* * *

Мы подошли к концу нашего изложения системы трудовых денег и, надеемся, доказали, что социалистическое хозяйство может вести учет и быть рациональным также в этом смысле. Нашей целью было доказать это, а не изобразить в деталях со всеми возможными оттенками систему учета в социалистическом хозяйстве. Мы не ставили себе утопическую задачу изложить систему учета в социалистическом обществе в том виде, в каком она обязательно, без всяких изменений должна быть проведена в жизнь. Выработка деталей этого учета является задачей творческой экономической действительности.

Наши доказательства построены на идеологии марксизма. Однако следует подчеркнуть, что экономическая теория Маркса является теорией капиталистического хозяйства и что теория трудовой ценности имеет своей необходимой предпосылкой меновую ценность; в социалистическом же хозяйстве не будет обмена в собственном смысле и поэтому отпадает также необходимость исчисления объективной меновой ценности, остается лишь определение себестоимости. Гильфердинг теоретически прав, что в социалистическом хозяйстве обмен не будет играть никакой роли и не будет иметь места образование меновой ценности. Поэтому мы, по возможности, избегали касаться споров вокруг теории ценности, ибо вопрос об основных теоре-

тических понятиях социалистического хозяйства пока еще очень темен [1]. Только фактическое развитие событий проложит пути к теоретическому основанию социалистического хозяйства. С нашими выводами и нашей системой трудовых денег может согласиться и тот, кто не придерживается экономических взглядов Маркса.

Пора нам, социалистам, заняться не только борьбой с капитализмом, как ни важна эта борьба именно теперь; время строительства социализма уже близко, и только в том случае, если мы уже теперь займемся вопросами строительства социалистического хозяйства, мы окажемся в духовном всеоружии к решительному моменту, когда пролетариат получит всю полноту власти. Эта подготовка — самый целесообразный вывод из того факта, что мы вступили уже в великий и могучий процесс социальной революции.

[1] Утверждение весьма странное, даже в устах «австро-марксиста (меньшевика). Это отнюдь не марксистское и неправильное положение. Теория Маркса дает вполне достаточную основу для экономики социализма.

Прим. ред.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Цена 80 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ“
Москва, Страстной бульвар, д. 10
Книжные магазины:
Москва, Петровка, д. № 16
Ленинград, Просп. 25-го Октября, 40